

Алла
БЕГУНОВА

ЗВЕНЬЯ
РАЗОРВАННОЙ
ЦЕПИ

МАСТЕРА
ИСТОРИЧЕСКИХ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Тайный агент Её Величества

Алла Бегунова

Звенья разорванной цепи

«ВЕЧЕ»

2010

Бегунова А. И.

Звенья разорванной цепи / А. И. Бегунова — «ВЕЧЕ»,
2010 — (Тайный агент Её Величества)

ISBN 978-5-4444-8931-4

Вторая русско-турецкая война продолжается, и в ней союзницей России выступает Австрия. Ее император Иосиф Второй – давний друг и единомышленник Екатерины Великой. По приказу государыни светлейший князь Потемкин-Таврический отправляет в столицу Священной Римской империи свою возлюбленную – опытного агента разведки Анастасию Аржанову. Она едет под дипломатической «крышей» и должна завоевать доверие императора, однако Иосиф Второй умирает. После его смерти Австрия нарушает союзнические обязательства перед Россией и заключает сепаратный мир с Турцией. Копия этой международной конвенции с секретными параграфами попадает в руки к Аржановой... Роман является пятой книгой из серии, рассказывающей о приключениях тайного агента императрицы Анастасии Аржановой, курской дворянки.

ISBN 978-5-4444-8931-4

© Бегунова А. И., 2010

© ВЕЧЕ, 2010

Содержание

Глава первая. У тихой пристани	6
Глава вторая. Бойцы вспоминают минувшие дни	21
Глава третья. Письмо Главнокомандующего	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Алла Бегунова

Звенья разорванной цепи

© Бегунова А. И., 2011

© ООО «Издательство «Вече», 2011

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

* * *

Глава первая. У тихой пристани

Крымский сад может зеленеть даже зимой.

Все тут зависит от искусства садовника. В его распоряжении имеется богатая палитра. Яркие краски в ней – вытянутые вверх купола кипарисов, пушистые разлапистые ели и сосны, колючие ветки можжевельника, плющ, чьи узловатые плети легко взбираются на отвесные стены. Прямо на земле, похожие на замерший взрыв, торчат в разные стороны узкие и длинные листья пальмы юкка. Цветы морозника, что распускаются только в феврале, добавляют садовой композиции все оттенки густого зеленого тона. Потому бледно-коричневая каменистая почва, иссушенная морскими ветрами, почти не видна под узорчатым травяным покровом.

Садовник князя и княгини Мещерских, Федор, а по первому своему имени – Фатих, крымский татарин, перешедший в православие, – немало потрудился, чтоб барский особняк на Екатерининской, главной улице в Севастополе, окружали дивные растения. В сумрачные и студеные дни, какие выпадают и на крымскую зиму, обитатели дома находили в них приятные воспоминания о жарком южном лете. Федор-Фатих любил свое детище и всегда осматривал сад дважды в день – утром и вечером.

Так и сегодня, держа лейку с водой в одной руке и стальной секатор для обрезки веток – в другой, он шел на закате дня по дорожке вдоль забора. Темный предмет, едва различимый в путанице коротких отростков можжевельника, татарин заметил сразу, ибо знал сад наизусть, как молитву «Отче наш».

Федор-Фатих перешагнул через недавно подстриженные лавровые кусты и стал разглядывать находку. Судя по всему, это было короткое ружье, спрятанное в чехол из коричневой кожи. Его прислонили к забору рядом с плоским камнем. Верхнюю часть забора накрыли толстой овечьей шкурой и приколотили ее шестью деревянными колышками. В общем, получилось отличное место засады для стрелка.

– Вай-вай-вай! – испуганно пробормотал садовник и, ничего не тронув, шагнул обратно на дорожку. – Алла сакъласын! Делири-рим!¹

Несмотря на приобретенные уже некоторые познания в русском языке и русскую жену – кухарку Мещерских, Зинаиду, – садовник предпочитал о серьезных и непонятных ему вещах говорить по-татарски. В таком случае собеседницей его могла быть только сама княгиня, урожденная Вершинина Анастасия Петровна, по первому мужу – Аржанова, дворянка Курской губернии, где имела она пять деревень и хутор в Львовском уезде. Именно Аржановой он и был отдан в крепостные около девяти лет тому назад, осенью 1780 года, когда попал в плен к русским во время короткого рукопашного боя в караван-сараяе около здешней деревни Джамчи.

В ту пору молодая и красивая женщина, вдова подполковника Ширванского пехотного полка Андрея Аржанова, погибшего в сражении с турками при Козлуджи, путешествовала по полуострову со слугами и охраной якобы для излечения от застарелой болезни легких, но на самом деле – с конфиденциальным поручением от нового ее возлюбленного – светлейшего князя Потемкина. Анастасии Петровне предстояло глубоко и всесторонне изучать жизнь Крымского ханства, узнать нравы и обычаи людей, его населяющих, и, естественно, – освоить язык, на коем они изъяснялись. Успехи красавицы на данном поприще оказались столь велики, а ее деяния в Крыму так полезны для Российской империи, что государыня Екатерина Вторая удостоила ее своим знакомством, зачислила в штат секретной канцелярии Ее Величества с годовым окладом в 600 рублей и затем не раз отмечала наградами, по преимуществу – земельными наделами, деревнями, крепостными крестьянами...

¹ Не приведи, Господь! С ума сойти можно! (тюрк. – татар.)

– Селям алейкум, ханым! – в пояс поклонился княгине татарин, когда ее горничная Глафира впустила его в барский кабинет.

– Алейкум селям, Федор! – ответила она.

– Мен бу ишке баш кьошмам! – с ходу рубанул садовник.

– Нетюрюлю иш?

– Мен совлемех туфек-учун бахчи-ге.

– Не?! Бу нетюрюлю туфек?.. Бир шей мен анламан... Ал-са бир даан сойленыз аитты-гынызы авашджа! – приказала Федору-Фатиху княгиня².

Татарин заговорил быстро и взволнованно. Иногда он оглядывался на Глафиру, по-прежнему стоявшую у него за спиной. Верная спутница барыни во всех ее командировках в Крым, горничная знала немало бытовых татарских слов и фраз, однако сейчас смысл его речи уловить не могла. Федор-Фатих перемежал поэтические описания кустарников и деревьев, произрастающих у забора, со своими, весьма эмоциональными оценками места засады, устроенного там, и неведомого ему злоумышленника, столь умело воспользовавшегося прекрасным садом. Но Глафира видела, что ее сиятельство мрачнеет все больше. Наконец Анастасия Петровна отодвинула в сторону стопку деловых бумаг на столе, где делала пометки, встала и сказала татарину:

– Сагь ол, бахчиванджи. Юрь! Ве лякинъ агъзымдан ел алсын!..³

Не зная, как истолковать последние слова госпожи, Федор-Фатих на всякий случай кивнул. Потом трижды поклонился барыне в пояс и попятился к двери. Глафира предусмотрительно отворила ее, и садовник очутился в коридоре. Там он надел на голову круглую татарскую шапочку из черного каракуля и потуже затянул пояс на суконном зипуне. Все, что мог, он сделал и со спокойной душой теперь направился в садовую сторожку за особняком, где обитал с женой и тремя детьми. В саду уже было совсем темно. Лишь полная луна на безоблачном небе заливала желтым светом пустынную Екатерининскую улицу, забор, кованые ворота посредине, двухэтажный особняк, верхушки елей и кипарисов вокруг него.

Сегодня была среда.

Вечером каждую среду полковник князь Мещерский, заместитель управляющего конторой Севастопольского порта, играл в карты в доме своего начальника, капитана первого ранга Дмитрия Ивановича Доможирова. Туда приходили и другие любители попытать счастья за зеленым ломберным столом из штаб-офицеров Черноморского флота. Чаще всего – капитаны второго ранга, командиры линейных кораблей «Св. Александр Невский» и «Св. Андрей Первозванный» Языков и Вильсон. Правда, игра шла на небольшие ставки. Но просидев без перерыва за карточным столом три-четыре часа, вполне можно было остаться без двухсот рублей, то есть половины годового жалованья флотского штаб-офицера. Особенно, если в противники попадал такой дока, как Роберт Вильсон, хмурый англичанин из города Плимута, умелый мореход, но и игрок расчетливый, осторожный, неазартный.

По счастью, сегодняшняя карточная схватка закончилась для Михаила Аркадьевича Мещерского не так уж и плохо. Сначала он проиграл двадцать рублей, но потом вернул десять обратно. Насвистывая веселую песенку, князь вышел из экипажа, остановившегося у ворот, распахнул плащ с пелериной и стал нащупывать в кармане кафтана ключ от ворот. Не хотелось ему звонить в колокольчик и беспокоить привратника, поднимать свирепых дворовых псов, ибо время приближалось к полуночи. Однако из-за темноты и двух бокалов хереса, выпитых после игры, ключ в скважину у Мещерского никак не попадал, и он злился.

² – Здравствуйте, госпожа!– Здравствуй, Федор!– Я в этом деле не участник!– Какое дело?– Я говорю о ружье в саду.– Что?! Это какое ружье?.. Ничего не понимаю. Ну-ка, повтори все это снова и помедленнее. (тюрк. – татар.)

³ Спасибо, садовник. Иди! Но пусть ветер унесет сказанное... (тюрк. – татар.)

В эту минуту слуга Аржановой, Николай, прижал щеку к прикладу унтер-офицерского егерского штуцера образца 1778 года. Штуцер был установлен на заборе, покрытом овечьей шкурой, и направлен в сторону ворот. В «диоптр», цилиндрический прибор для точного прицеливания на стволе ружья, Николай увидел голову своего барина и чуть передвинул ствол влево, чтоб попасть ему точно в висок. Такой имел молодой стрелок особый прием: пулю он вгонял противнику либо в висок, либо в лоб прямо над переносицей, и последнее было предпочтительнее. Но князь стоял к нему боком, возился с ключом у ворот, то наклоняясь к замку, то снова выпрямляя стан.

Окликать его, чтоб увидеть лицо своего обидчика в анфас, Николай не собирался, ведь это – не специальное задание секретной канцелярии Ее Величества. Не спеша, мягко и почти нежно он положил палец на удобно изогнутый латунный спусковой крючок, а левой рукой покрепче обхватил ложе и ствол своего любимого оружия, которое ласково именовал «Дружком».

– Прицелился? – раздался голос у него за спиной.

Николай, успевший сосредоточиться для стрельбы и отрешиться от реалий мира сего, вздрогнул.

– Сегодня ты стрелять не будешь, – продолжала Аржанова. – Возьми с собой штуцер и сойди с камня на землю.

– Эх, матушка барыня! Зря вы мне сейчас помешали! – огрызнулся Николай, но штуцер с забора снял и перешел на клумбу с лавровыми кустами.

– Сам знаешь, смертоубийство – дело нехитрое, – в темноте она смотрела на него пристально. – Но что потом будет?

– Никто не узнал бы про него... – пробормотал, точно оправдываясь, молодой слуга.

– Значит, меня в расчет не берешь? – спросила Аржанова и плотнее закуталась в оренбургскую шаль, накинутую на плечи.

– А разве вам-то не горестно, ваше сиятельство? – скинул голову Николай. – Ведь вас же он подло обманул, мою жену обесчестил, меня опозорил перед людьми! И все ему, подонку, как с гуся вода... Пока мы с вами государыне служили, пока на войне против бусурман под пули шли, он здесь хвост распускал навроде павлина... Ужо расчелся бы я с ним один на один по честному! Ужо успокоил бы его навек с сучком его дымящимся, который без спросу в первую попавшуюся дырку лезет!..

Не прерывая этот запальчивый простонародный монолог, Аржанова взяла молодого слугу за руку и быстро повела через сад, темнеющий громадами деревьев, к заднему крыльцу двухэтажного дома, откуда к ее кабинету и спальне вела крутая деревянная лестница. В коридоре к ним метнулась Глафира, мать Николая, с испуганным, распухшим от слез лицом. Курская дворянка остановила ее жестом и приказала подать в кабинет две чашки чая с ромом покрепче, печенье и марципановые конфеты.

Штуцер, уже спрятанный в чехол, Анастасия устроила на нижней полке большого книжного шкафа, куда он при своей длине в 115 см удачно поместился. Николаю она приказала снять шапку и куртку и сесть в кресло напротив письменного стола. Будучи все еще возбужденным до крайности, молодой слуга то сжимал кулаки, то порывался выбежать вон, то сыпал проклятиями в адрес князя Мещерского, второго мужа обожаемой им госпожи Анастасии Петровны.

Глафира открыла дверь и внесла в кабинет большой поднос с красным шарообразным фарфоровым чайником, бутылкой рома, чашками, вазочками с печеньем и конфетами. Поднос по разрешению барыни она водрузила на ее письменный стол. Затем разлила по чашкам чай, добавила в него рому и встала у дверей со скорбным лицом, сложив руки на животе. Николай, обжигаясь горячим и крепким напитком, сделал сразу несколько глотков и понемногу успокоился.

– Почему ты решил его убить? – спросила Аржанова.

– Отомстить хотел, – молодой слуга смело поднял на хозяйку темно-голубые глаза. – За ваше и за свое унижение. Но вы его пожалели. Весьма сие странно... Ведь врагов вы никогда не жалеете.

Анастасия усмехнулась:

– Наверное, потому и живу еще на этом свете.

– Стало быть, он – вам не враг?

– Врагов моих определяет государыня императрица. Им, как ты верно заметил, пощады нет.

– Ясно, – вздохнул Николай. – Вы его простили. Однако я прощать не собираюсь и никогда не прощу... Отойдя от конфиденциальной службы, сделался барин совсем другим человеком. Эдакий вальяжный господинчик. Карты, вино, бабы... Нет в нем прежней строгости к себе. А без этого в нашем деле – пиши пропало. Только в теплой конторе ему и сидеть...

Аржанова слушала сына горничной с удивлением. Слишком связно и осмысленно он говорил. Курская дворянка знала Николая с младых ногтей. Был он веселым подвижным ребенком, потом нескладным подростком, потом превратился в рослого, сильного юношу. В основном помогал отцу своему, Досифею, на все руки мастеру, – и лакею, и кучеру, и истопнику, и садовнику. Все изменила первая их поездка в Крым. Николай познакомился с кирасирами Новотроицкого полка, которые состояли в охране вдовы подполковника, научился у них обращению с огнестрельным оружием и внезапно открылся у него великий талант к меткой стрельбе. После очередной схватки с татарскими мятежниками она сама подарила ему егерский унтер-офицерский штуцер ручной сборки, изготовленный на Тульском оружейном заводе. Они словно давно искали друг друга: отличное ружье с восемью нарезами в стволе, с кремнево-ударным батарейным, «французским» замком и отрок Николай, принадлежавший курской дворянке, кое-как научившийся читать у дьячка из церкви в деревне Аржановка...

– Все правильно ты излагаешь, – в задумчивости ответила княгиня Мещерская. – Возможно, и впрямь кончилась моя совместная служба с Михаилом Аркадьевичем. Но прошу тебя: оставь его в покое. Пусть идет он собственной дорогой, а уж куда она его выведет, то одному Господу Богу известно.

– Что ж, ваше слово для меня – закон, – грустно признался молодой слуга. – А знаете, почему?

– Откуда мне знать, голубчик...

– Женился я на Арине по воле матушки, – тут меткий стрелок оглянулся на горничную, по-прежнему стоявшую у двери, и она всхлипнула. – Но люблю-то я вас, ваше сиятельство!

В комнате воцарилось долгое тягостное молчание. Глафира в страхе перекрестилась несколько раз. Сын ее скромно опустил очи долу. Курская дворянка не спеша допила чай, поставила пустую чашку на поднос, аккуратно промокнула губы салфеткой. Теперь она поняла истинную причину поступка Николая и про себя подумала, что, во-первых, он – молодец, а во-вторых, нет больше повода исключать его из числа ближайших сотрудников, ибо он вполне управляем.

– Это замечательно, Николай! – Аржанова улыбнулась ему улыбкой светской дамы. – Ведь с некоторых пор я более не ваша барыня, а вы свободные люди... Потому ценю твое искреннее признание. Дорого мне доброе отношение тех людей, кои много лет делили со мной опасности, труды и невзгоды. Тем более есть у меня новое поручение от Ее Величества, и оно потребует от нас и должного прилежания, и настойчивости, и отваги...

Так вышла из щекотливого положения княгиня Мещерская, нынче владеющая шестью сотнями крепостных душ, но меткий стрелок на барыню не обиделся. В ее словах не почувствовал он ни поощрения дерзких слов, ни осуждения их, но самое главное – никакого дворянского чванства. Он шагнул к ней, встал на одно колено и поцеловал протянутую ему руку:

– Безмерно тем счастлив, Анастасия Петровна! Как родился я вашим покорным рабом, так им и пребуду до скончания дней!..

Вольную своим крепостным – Глафире, ее мужу Досифею, их единственному сыну Николаю – она действительно дала вскоре после осады турецкой крепости Очаков, завершившейся успешным штурмом 6 декабря 1788 года. Молодой слуга участвовал в нем вместе с хозяйкой и особенно отличился, сразив наповал выстрелом из штуцера янычарского агу. Двигало ею желание в полной мере воздать должное этим людям за верность, за честность, за особую привязанность к ней. Но как жить без них дальше, она совершенно себе не представляла.

Ее бывшие крепостные, кстати говоря, – тоже.

Они упали перед барыней на колени и просили не прогонять их прочь, оставить на прежнем положении, пусть и свободными, но надежными ее помощниками на службе государевой, спутниками во всех новых ее странствиях и приключениях. Анастасию это тронуло до глубины души. Она знала, что средствами, достаточными для начала самостоятельной жизни, для покупки хорошего дома, участка земли, домашнего скота и птицы, семья Глафиры теперь располагает. Следовательно, решение их было идущим от сердца и абсолютно бескорыстным.

Согласно военным законам того времени Главнокомандующий осадной армией генерал-фельдмаршал Потемкин-Таврический отдал богатый купеческий город Очаков нашим солдатам на три дня «на добычъ». Оборотистая, хозяйственная Глафира времени там зря не теряла. В разрушенных домах погибших османов она нашла и деньги, и драгоценную утварь, и ковры, и меха. Про интересы своей барыни, день-деньской занятой в поверженной турецкой твердыне на службе, она также не забыла.

Возвращение их домой можно назвать и торжественным, и триумфальным.

Недавно построенный на верфи в Херсоне 66-пушечный линейный корабль «Святой Владимир», предназначенный для севастопольской эскадры, Потемкин отправил к месту его базирования 12 января 1789 года. Трехмачтовый парусник медленно вошел в Южную бухту под приветственные залпы береговых батарей, убрал паруса и бросил якорь точно на ее середине. Никак не меньше часа перегружали матросы багаж княгини Мещерской на большой шестивесельный баркас. Кроме сундуков, плетенных из камыша саквояжей, корзин и кожаных баулов, на палубе «Святого Владимира» находились три бесформенные фигуры, закутанные с головы до пят в темные одежды.

Это тоже были русские трофеи.

Около двух тысяч невольниц из очаковских гаремов попали в руки победителей. Что с ними делать, светлейший князь решительно не знал. В конце концов Григорий Александрович послушался совета Аржановой и распределил восточных женщин среди своих офицеров. Даным его приказом остались очень довольны и первые, и вторые.

Анастасия, конечно, офицерского чина не имела, но, служа в секретной канцелярии Ее Величества девятый год, по распоряжению царицы получала оклад, примерно равный пехотному генерал-майорскому. Потому светлейший князь отписал ей двух чернооких красоток. Третья же предназначалась начальнику ее охраны – поручику Екатеринославского кирасирского полка Остапу Тарасовичу Чернозубу, настоящему богатырю, человеку необыкновенной храбрости и силы, происходившему из украинских казаков...

Думала ли курская дворянка, что встреча с мужем после восьми месяцев разлуки принесет ей столько огорчений, окажется совсем нерадостной, двусмысленной, исполненной лжи и фальши?

Правда, на пристани, впоследствии перестроенной и вошедшей в историю под названием «Графская», все обстояло в высшей степени пристойно. Пока шлюпки и баркасы со «Святого Владимира» швартовались и разгружались, пока на широких сосновых досках пристани строилась морская пехота с линейного корабля, там играл военный оркестр. Затем командир военного парусника итальянец Чефолиано отдал рапорт о благополучном прибытии командую-

щему севастопольской эскадрой капитану бригадирского ранга Федору Федоровичу Ушакову. Знаменитый флотоводец в ответ произнес краткую речь. Он упомянул о великой очаковской победе, о прошлогодних боях нашего военно-морского флота с турками в Днепровско-Бугском лимане, о подвигах российских матросов и солдат.

Аржанова в толпе встречающих высматривала мужа, и вскоре он помахал ей рукой в белой лайковой перчатке. А вот дома на Екатерининской улице к Николаю вышла его молодая жена Арина, нянька маленьких княжат: пятилетней Александры и Владимира трех с половиной лет от роду. Даже пышные праздничные юбки не могли скрыть ее беременности, срок которой приближался к семи месяцам, и это – в отсутствие супруга! Тяжелые сцены разыгрались в тот день в господском особняке.

Первая произошла в гостиной, куда барин благоразумно не явился. Арина валялась у барыни в ногах, рыдала, просила прощения и уверяла, будто Михаил Аркадьевич принудил ее к сожительству силой. Николай, крича, как зарезанный, требовал примерно наказать несчастную и отправить ее на покаяние в монастырь. Горничная злобно грозила невестке кулаком. Среди потока слов, жалостливых, бранных, обидных, грязных, Аржанова одна хранила молчание. Потом встала, опираясь двумя руками на подлокотники кресла, точно не имела сил держаться на ногах, и вынесла окончательный приговор. Арину не трогать, не изводить придирками и оскорблениями, не нагружать черной работой. Пусть она спокойно доносит и родит ребенка. Все-таки в нем будет половина княжеской крови. Каким образом обустроить его дальнейшую судьбу, курская дворянка еще подумает. Но пока велит верным своим слугам поумерить страсти и сор из избы ни в коем случае не выносить.

Ошеломленные таким решением, Николай, Глафира и Арина замерли посреди комнаты, как вкопанные. Анастасия направилась к двери. Не смея ничего возразить госпоже, они лишь проводили ее выразительными взглядами: Арина – благодарно-виноватым, Николай – недовольным, Глафира – растерянным.

Анастасия не обратила на них внимания. Теперь ей предстояло объясняться с мужем. Она не сомневалась, что Михаил пустит в ход все способы для собственного оправдания, для разубеждения обманутой супруги, и для ее... обольщения. Через венецианское окно спальни на втором этаже курская дворянка смотрела на чудесно ухоженный сад, желая в движении ветвей, почти оголенных, но еще сохранивших зеленый убор, угадать некое предзнаменование, найти разгадку.

В этой ситуации на самом деле все складывалось весьма непросто.

Адъютант светлейшего князя Потемкина – поручик Новотроицкого кирасирского полка князь Мещерский был младше Аржановой почти на два года. Тогда, в Херсоне в сентябре 1780-го, он сам вызвался ехать в Крымское ханство вместе с прелестной вдовой и быть начальником ее охраны. И он действительно спас Анастасии жизнь, прямо-таки вырвал ее, раненную кинжалом и избитую кнутами, из рук Казы-Гирея, резидента турецкой разведки на полуострове. Хитрую ловушку устроил родственник хана для русской путешественницы, и она по своей неопытности легко в нее угодила. Ожесточенной получилась драка в караван-сараях у деревни Джамчи. Кирасиры перебили подручных злого татарина, но сам Казы-Гирей ушел целым и невредимым.

Потом Аржанова и Мещерский снова поехали в Крым. Этот полуденный край уже прочно вошел в сферу интересов Российской империи, а правитель страны Шахин-Гирей подписал с царицей союзный договор. Турки готовили очередной мятеж против него, и следовало всеми средствами помогать хану удерживаться на престоле. Бунт вспыхнул в мае 1782 года. Но убить Шахин-Гирея сразу восставшие не смогли, русские увезли его в свою крепость Керчь. Население же полуострова мятежников не поддержало. Массовых народных выступлений не произошло, только локальные стычки. Разведывательно-диверсионная группа Аржановой сумела

отбить нападение турецких наемников-чеченцев на ханский арсенал, расположенный в горной крепости Чуфут-Кале, а затем изгнать их из ханской столицы – Бахчисарая.

До проклятого шпиона Казы-Гирея и его отряда они тоже добрались, но позже, в феврале 1783-го, при помощи местных пастухов устроив на горе Чатыр-Даг засаду. Пуля из егерского штуцера, что был в руках у Николая, пробила Казы-Гирею лоб именно над переносицей. Почему-то после этого события открытому османскому присутствию в Крыму пришел конец. Татарские бей и мурзы стали решать, на чью сторону им теперь лучше перевернуться. Естественно, выбрали русских, и вскоре хан Шахин-Гирей отрекся от престола в пользу Екатерины Великой.

Полуостров стал Таврической областью Российской империи, но полному его освоению, как могла, мешала враждебная Турция. Туда, за Черное море, удрали самые отпетые, самые бешеные и непримиримые из крымских татар. Правительство султана Абдул-Гамида Первого взяло их под свое покровительство и поощряло их планы реванша и всеобщего джихада против неверных, или кяфиров. Потому следовало пристально наблюдать за поведением мусульманского населения в Крыму. Аржанова как признанный специалист по «восточному вопросу» снова вернулась в полуденный край. Секретная канцелярия Ее Величества на сей раз придумала для курской дворянки отличное легальное прикрытие: супруга управляющего канцелярией Таврического губернатора коллежского советника князя Мещерского.

Венчание, на которое Анастасия согласилась с трудом, происходило в Санкт-Петербурге, в храме Святого Самсония Странноприимца на Выборгской стороне. Однако брак вышел не фиктивным, а реальным. Против всех ожиданий, бывший кирасир оказался любовником энергичным, изобретательным и очень выносливым. Бурными играми в постели он увлек вдову подполковника Ширванского пехотного полка, и она, в полной мере поддавшись сладостному соблазну, родила двоих детей: сперва девочку, потом мальчика.

Известно, что век чувственной, сугубо телесной любви, лишь краешком задевающей сердце, ум и душу, не так уж долгов – от силы года три. Аржанова, занятая на службе бесконечными разъездами, продержалась почти четыре. Когда секретная канцелярия вновь вызвала ее в штаб-квартиру Главнокомандующего Екатеринославской армией генерал-фельдмаршала Потемкина-Таврического, оставив, между прочим, в Севастополе князя Мещерского, то их прощание было лишено трагедийного надрыва, вселенской печали, неодолимой скорби. Скорее они оба восприняли его как служебную необходимость.

Не в том ли заключалась причина всех последующих событий? Мертвым не больно. Такими могут быть не только люди, но также – их отгоревшие, исчерпавшие себя страсти...

Созерцание зимнего сада, одновременно и зеленого, и опустевшего, усыпанного желтой листвой, привело Аржанову в глубокую задумчивость. Она не сразу услышала стук в дверь. Когда Анастасия обернулась, Мещерский уже подходил к ней. Сделав последний шаг, полковник встал на колени и низко склонил голову.

Выглядел Михаил превосходно. Для объяснения с супругой он гладко побрился, тщательно расчесал каштановые, немного выющиеся волосы и собрал их на затылке в косичку с черной муаровой лентой, опрыскал дорогим английским одеколоном. Открытый ворот белоснежной рубашки оттенял его красивое загорелое лицо и шею. Темно-лиловый шелковый халат облегал рослую фигуру с широкими плечами, правда, уже слегка оплывающую от сидячей, не связанной с физическими усилиями работы.

– Прости, ненаглядная моя! Прости дурака, моя родная и единственная! – прочувствованно, со слезой в голосе произнес князь. – Ну, обычная это мужская слабость. Что особенного случилось-то?.. Ядреная молодая девка, к тому же крепостная, спит недалеко от кабинета. Однажды не устоял, зашел поведать. А она забеременела...

– Однажды зашел? – сухо уточнила курская дворянка.

Железный характер сотрудницы секретной канцелярии Ее Величества, имеющей служебный псевдоним «Флора», Мещерский знал, как свои пять пальцев, и этот вопрос ему не понравился.

– Ладно, краса моя, – пошел он на уступки. – Дважды зашел, трижды зашел... Скажи, пожалуйста, имеет ли это большое значение?

– Не имеет.

– Вот видишь! Неужели мы, люди благородного происхождения, станем обращать внимание на подобные пустяки?

– Возможно, и пустяки, – согласилась она.

Спокойствие Флоры, ее голос, лишенный какой-либо эмоциональной окраски, ввел Михаила в заблуждение. Он решил, что дело слажено.

– Ведь наш с тобою союз освящен церковью. Мы несем ответственность перед Господом Богом за сохранность и крепость его и за потомство, в нем рожденное. Брак, свершенный на небесах, нельзя ставить на одну доску со случайной связью... – Он поднялся с колен и, уверенно прохаживаясь по спальне, заговорил пылко, быстро, с напором. Анастасия слушала его, не перебивая. Ей было интересно, чем закончит этот монолог ее супруг, бывший кирасир, бывший начальник ее охраны, в боях с врагами Российской империи проявивший храбрость и предприимчивость необыкновенную.

Но ничего оригинального князь не придумал. Он предложил ей забыть сей досадный инцидент с Ариной, простить ошибку, вызванную долгим отсутствием супруги и физиологическими потребностями мужского организма.

– Ты не собираешься признавать ребенка? – вдруг спросила его Аржанова.

– Какого ребенка? – полковник словно бы споткнулся на ровном месте.

– Того, что родит от тебя Арина через два месяца.

– Ты всерьез утверждаешь, будто у нее – мой ребенок?

– А чей, ваше сиятельство?

– Н-не знаю...

В волнении князь приблизился к Анастасии, и она закатила ему полновесную пощечину. Схватившись за щеку, Мещерский отшатнулся.

– Настоящая ты сволочь, Михаил, – сказала курская дворянка, потирая ладонь, пострадавшую от сильного удара. – Сначала, как говоришь, не устоял, а теперь – в кусты. Ребенок – твой, сие мне совершенно ясно. Если родится мальчик, я запишу его в унтер-офицерские дети, потому как мой бывший крепостной Николай, ныне вольный человек и мещанин, будет числиться капралом в фузелерной роте севастопольского гарнизона. Если родится девочка, то проблем вообще никаких. Она вырастет в нашей семье, я обеспечу ее приданым.

– Почему ты так яро выступаешь против меня? – озадаченно спросил Мещерский. – Разве ты забыла о наших праздниках любви?

– Ничего подобного! – огрызнулась она.

– Нет, забыла! – воскликнул он с некоторым торжеством в голосе. – Ты забыла, как ждала моих ласк, как страстно желала их!

– Ну предположим, что желала.

– Тогда зачем спорить? Давай начнем все сначала. Перелистаем обратно удивительную книгу нашего романа до самой первой его страницы. Много там чего было написано...

Курская дворянка отвернулась от мужа и снова подошла к окну. Ветер, который зимой дул обычно с моря на берег, раскачивал ветви деревьев в саду. Лишь кипарисы, высаженные вдоль забора и главной аллеи, мало поддавались его порывам. Их пустые внутри темно-зеленые кроны, где никогда не поют и не селятся птицы, выглядели красиво, но печально.

Перемену в настроении жены полковник уловил тотчас. Встав рядом с ней, он через окно долго смотрел на сад, потом взял ее руку и нежно поцеловал. Следующим его действием были

объятия, коим Аржанова сопротивления не оказала. Через минуту широкая кровать из дуба, накрытая голубым шелковым покрывалом, приняла на своем роскошном ложе два сплетенных тела.

Жаркими губами Мещерский быстро касался лица, шеи и плеч супруги. Затем привычным движением расстегнул на ней домашнюю блузку и обнажил грудь чуть ниже сосков. Под его ладонями они отвердели. Обычно эта ласка возбуждала Анастасию, и она пылко отвечала мужу. Но теперь лежала неподвижно и словно бы чего-то ждала. Михаил раздвинул ей груди и языком провел по длинному узкому шраму, пролежавшему в ложбинке точно между ними, похожему на шов, оставленный какой-нибудь грубой нитью, например, сапожной дратвой.

Так, острым турецким кинжалом «бебут» распоров на Анастасии рубаху от горла до пояса, ранил русскую путешественницу ее коварный и жестокий враг Казы-Гирей в караван-сараяе у деревни Джамчи. Привязанная к столбу, она стояла перед ним обнаженной по пояс, не произнося ни слова, хотя кровь текла из раны на грязный глинобитный пол, хотя подручные османского шпиона приготовились бить ее кнутами, хотя он сам, злобно усмехаясь, выкрикивал ей в лицо оскорбления и угрозы.

Шрам остался потому, что разрез на коже получился глубоким. Поначалу Флора сильно переживала из-за этого. Ей казалось, шрам портит ее идеально сложенное тело и напоминает о глупом промахе, допущенном ею. Кроме того, он может не понравиться ее великолепному возлюбленному, человеку, который и отправил Анастасию в крымское путешествие, возлагал большие надежды на таланты и способности к конфиденциальной работе молодой вдовы подполковника Ширванского пехотного полка, а она их, выходит, не оправдала.

Однако все сложилось по-другому.

Потемкин, увидев след от удара кинжалом на груди курской дворянки, едва затянувшийся, восхитился им, как отличием смелого воина, полученном в бою. Той ночью он словно бы окутал красавицу тончайшей, волшебной пеленой нежности. Она поняла без слов, как много приобрела в его глазах, ибо прошла испытание. Осторожно касаясь губами шрама, Григорий Александрович как бы разделял с Флорой недавно пережитую боль, брал ее на себя.

Ничего подобного не мог ей сейчас подарить князь Мещерский, который грубо и настойчиво ее раздевал.

– Прекрати это! – вдруг приказала Анастасия Михаилу, почувствовав, что он пытается развязать шнурок, стягивающий ее панталоны на талии.

– Но почему, краса моя?

– Я не хочу.

– Нет, хочешь.

– Ты ошибаешься.

– Сейчас посмотрим...

Князь приподнялся, чтобы быстрее сдернуть нижнее белье с жены, и получил удар тыльной стороной ладони, выпрямленной, как нож, по горлу. Отвалившись в сторону, Михаил закашлялся, схватился обеими руками за шею.

– Ты – ч-чего?! – прохрипел он.

– Я же сказала: прекрати.

– Но мы... мы, по-моему, находимся на супружеском ложе... и ты... ты должна...

– Немедленно тебе отдаться, не так ли? – закончила Анастасия за него фразу, поскольку Мещерский говорил с трудом.

В знак согласия он кивнул.

Может быть, неожиданным, может быть, даже вероломным показался ее поступок бывшему кирасиру. Ведь Флора позволила ему себя обнимать, целовать, ласкать ей груди. Только в последний момент отчего-то передумала. Она не согласилась на восстановление их прежних интимных отношений, какие существовали до ее командировки в Турцию и операции «Секрет

чертежника». Нечто неотвратимое, почти inferнальное мешало сейчас им, и князь Мещерский догадывался, что именно это было. Запахнув полы халата, полковник сел на край кровати.

– Я знаю, без него тут не обошлось, – сказал Михаил, громко кашляя. – Он всегда стоял между нами... и, конечно, не мог исчезнуть...

– Если ты знал, то зачем согласился на венчание со мной? – спросила Анастасия.

– Я любил тебя и люблю до сих пор.

– Любовь бывает разной.

– Да, сначала я любил тебя платонически, потом овладел тобою как венчанный супруг. Разве это преступление?

– Нет. Но тогда отдавай себе отчет о возможных последствиях.

– Из Стамбула ты благополучно прибыла в лагерь нашей осадной армии под Очаковым. Значит, ты выполнила очередное его поручение?

– Само собой разумеется.

– И там, в лагере, ты спала с ним? – Михаил с кривой усмешкой на устах повернулся к жене.

– Не буду тебе лгать. Да, спала.

– После этого ты смеешь осуждать мою связь с Ариной?

– Вот что, дражайший супруг, – Аржанова решительно поднялась с кровати и застегнула пуговицы на блузке. – Я никого не осуждаю. Ни тебя, ни Арину, жену моего верного слуги Николая. Я намерена обеспечить будущее вашего ребенка, не разглашать вашу тайну... Но, знаешь, есть одна деталь, весьма прискорбная. Возможно, тебе неприятно будет это слышать, и все-таки я скажу... Что-то у нас сломалось, изменилось, навсегда ушло... Мне уже не доставляет удовольствия близость с тобой. Более того, она угнетает меня... Коли хочешь, то подавай на развод...

– Сразу – развод? – ошеломленно выдохнул князь.

На самом деле он ее всегда боялся.

Страстно желал и боялся, потому что Анастасия Петровна прежде всего стала ему известна как фаворитка его начальника, всесильного Потемкина, в те поры генерал-аншефа и генерал-адъютанта царицы, губернатора Новороссийской и Азовской губерний, вице-президента Военной коллегии, командующего всей иррегулярной конницей России, многих иностранных и российских орденов кавалера. Любовниц светлейший князь менял, как перчатки. На службу в секретную канцелярию Ее Величества рекомендовал лишь одну Аржанову, сам привез ее в Санкт-Петербург и представил государыне. Екатерина Алексеевна, будучи великим знатоком человеческих душ, признала выбор тайного своего супруга обоснованным и на царскую службу молодую очаровательную женщину приняла.

Михаил принадлежал к сильно обедневшей, захудалой ветви рода князей Мещерских. Кроме звонкого титула, он ничего не имел. Его собственное благосостояние целиком зависело от продвижения по службе. Тут, как ни странно, знакомство с Аржановой сыграло особую роль. Он съездил с ней в Крым в 1780 году в первый раз и из поручиков Новотроицкого кирасирского полка стал секунд-ротмистром. Вторая длительная командировка на полуостров принесла ему уже два чина: ротмистра и майора, а еще пожалование от царицы – семьсот десятин земли.

При определении его к новой, статской должности управляющего канцелярией Таврического губернатора и венчании с курской дворянкой бывший кирасир сделался коллежским советником, что примерно равнялось чину армейского полковника, удостоился ордена Святого Владимира четвертой степени и снова получил пятьсот десятин земли в общее с молодой женой владение. Успешная поездка Екатерины Великой в Крым летом 1787 года, к организации которой и он, и Анастасия имели прямое отношение, вылилась в новые награды. Мещер-

ского по его просьбе тем же чином шестого класса, то есть полковником, перевели обратно на военную службу и вручили денежную премию – тысячу рублей.

В екатерининские времена быстрой карьеры дворянин мог добиться, лишь имея покровителей в высоких армейских или придворных кругах. Благодетелем князя и княгини Мещерских выступал Потемкин. Но он, скорее, оказывал столь постоянное внимание прелестной Анастасии Петровне, чем бывшему своему адъютанту. В данном случае Михаил несколько не заблуждался, и потому развод с Аржановой абсолютно не входил в его планы. Прекращение церковного брака – это очень большие хлопоты, масса неприятностей и, наконец, скандал в светском обществе Севастополя.

– Никакого развода не будет, – сказал после долгого молчания полковник, по-прежнему сидя на кровати.

– Будет или не будет, пока не знаю, – Флора нахмурилась. – Но в мою спальню ты больше не входи.

– Да? А что же мне делать?

– Подумай. С Ариной твои барские шутки тоже теперь не пройдут. Николай зол, как черт. Чего доброго, еще и пристрелит.

– Кругом обложили, – пробормотал Мещерский. – Ровно медведя в берлоге.

– Не огорчайтесь, ваше сиятельство, – Аржанова, внимательно наблюдавшая за супругом, увидела в его глазах уныние и готовность безропотно принять любое ее решение. Кроме развода, конечно. – Предлагаю вам выход.

– Какой? – князь взглянул на жену с надеждой.

– Поскольку три года вы были моим боевым товарищем и любили меня чисто платонически...

– Любил! – горячо подтвердил он.

– Значит, надо вас выручать из трудного положения. Ну как солдат солдата, вы меня понимаете...

– Господи! – печально взмахнул рукой Мещерский. – Что за чушь ты городишь!

Аржанова рассмеялась.

Сперва этот разговор ее волновал и тревожил, потом – злил. А теперь стал казаться комическим. Следовало только совладать с собственными чувствами – главными из них были обида и горечь – как ситуация упростилась до анекдота. Неверная жена и неверный муж обсуждают важный вопрос. Им надо жить дальше бок о бок, сохраняя видимость брака и правила приличия. Рецептов тут много, и самый первый лежит на поверхности.

– Послушай, Михаил, – курская дворянка обошла вокруг кровати и приобняла супруга за плечи. – Из Очакова я всем привезла подарки. Тебе тоже, но особенный, живой.

– Наверное, хорошую охотничью собаку? – он потерся щекой о ее руку. – Хотя нет, животных в твоем багаже я не заметил.

– Сейчас мы спустимся на первый этаж, в нашу маленькую гостевую комнату. Там находятся две невольницы из гарема трехбунчужного паши Хуссейна, бывшего коменданта турецкой крепости. Так вот, они – твои.

– Мои? – полковник резво вскочил на ноги. – Это как понимать?

– Обыкновенно. Я объясню восточным шлюхам, что отныне ты – их новый хозяин, затем уйду. Далее поступай с ними по своей воле.

– А ты? Что будешь делать ты?

– Я? – Аржанова на мгновение задумалась. – Давно мечтаю попариться в нашей баньке с березовыми вениками, с кваском. Одним словом, по-деревенски и от души... После чего лягу спать. Пожалуйста, не буди меня. Развлекайся с наложницами у себя в кабинете.

В день приезда в Севастополь из Очакова Флора, без сомнения, пребывала в состоянии эйфории от последних встреч со своим великолепным возлюбленным, Григорием Александро-

вичем, и от замечательной победы русского оружия над вечными врагами России, османами. Все казалось ей простым, легким, естественным. Так, меткого стрелка Николая она успокоила, его жену, ставшую предметом сексуальных домогательств барина, утешила, князю Мещерскому предложила взамен себя партнершу, да при том не одну, дабы не скучал он долгими зимними ночами...

Баньку Досифей истопил превосходно.

Аржанова и Глафира лежали на сосновом полках, хлестались березовыми вениками и поддавали жару, опрокидывая на раскаленные камни бадейки то с водой, то с квасом. Для полного расслабления требовалось еще выбегать во двор нагишом и кататься по снегу. Однако, увы, в январе 1789 года снег на недавно основанной военно-морской базе не выпал. Пришлось вместо этого обливаться водой из огромной бочки, стоявшей в саду.

Закрутив на голове мокрые волосы в виде чалмы из полотенца и обернувшись простыней, Анастасия отдыхала после парной и пила чай из самовара в предбаннике. К чаю Досифей подал печатные тульские пряники, мед, варенье из абрикосов, лимон, нарезанный тонкими ломтиками. Горничной, в виде исключения, было позволено сидеть рядом с госпожой и рассуждать о разных поворотах жизни человеческой, в частности, о детях, прижитых на стороне, о верности и любви, о прощении грехов, завещанном нам Иисусом Христом.

Досифей, периодически появляясь перед женщинами, старался не смотреть на завлекательные очертания их фигур, проступавшие под увлажненными льняными простынями. Наливая в очередной раз барыне в чашку свежую заварку, лакей заговорчески сообщил:

– Михаил-то Аркадьевич у турчанок не остался и в кабинет их не повел.

– Отчего? – небрежно спросила Анастасия.

– Господин полковник сейчас самолично сказать мне изволили, будто они совсем не в его вкусе, и этих толстозадых уродливых баб только одни отпетые сладострастники-басурмане хотеть могут.

– Ничего. Постепенно привыкнет, – успокоила себя курская дворянка.

Дни потекли за днями, но что-то не задавалось у Аржановой со скорым решением домашних ее проблем.

Князь Мещерский, отлученный от тела супруги, стал регулярно напиваться в офицерском собрании, играть допоздна в карты у капитана первого ранга Доможирова, молчать за семейным обедом, грустно глядя на Анастасию и своих детей – Александру и Владимира. Очковских невольниц он словно бы не замечал.

Няньку Арину она все чаще встречала в детской с заплаканными глазами. Видимо, семья Глафиры, нарушая приказ барыни, втихую донимала ее суровыми упреками. А чего, собственно говоря, донимать на восьмом-то месяце беременности, чего требовать от бедной молодухи, если изменить ситуацию никак нельзя?

Николай, слуга верный и честный, прежде ловивший каждое слово госпожи, теперь являлся к ней неохотно, при встречах отводил глаза. Правда, и дел у него прибавилось в связи с зачислением в фузелерную роту гарнизонного батальона. Согласно приказу Главнокомандующего Черноморским флотом генерал-фельдмаршала светлейшего князя Потемкина-Таврического, в роте создавали отдельную команду стрелков. Пятнадцать егерских штуцеров образца 1778 года ручной сборки доставил для нее в Севастополь тот же линейный корабль «Святой Владимир».

Капрал Николай Аржанов (такую фамилию присвоили ему при поступлении на службу как уроженцу деревни Аржановка) отвечал за отбор в команду наиболее сметливых и способных солдат, за обучение их приемам прицельной стрельбы. На это благое дело казна отпускала особливые деньги: цена пороха, свинца и бумаги, потребных для ста учебных выстрелов в год.

Уж не казенную ли пулю забил шомполом в ствол своего «Дружка» Николай, когда вознамерился прикончить полковника – князя Мещерского? Спасибо садовнику Федору-Фатиху,

что разглядел засаду в саду и предупредил Анастасию. Вовремя она остановила меткого стрелка. Последующий их разговор получился очень откровенным. Но полной уверенности в том, что ей удалось убедить Николая и найти понятные для него аргументы, у курской дворянки не было. За жизнь венчанного своего супруга она опасалась, хотя иногда думала о его недалёковидном, безответственном поведении, которое, конечно, не могло остаться безнаказанным. Ведь не простой слуга, Николай, а обученный тонкому делу, обличенный доверием, он обиду терпеть не станет. Однако почему же, почему разброд и шатания постигли прежде сплоченную и дружную разведывательно-диверсионную группу Флоры? Есть ли спасение от подобной напасти? Чем она вызвана?

Таким невеселым мыслям предавалась Аржанова, гуляя перед обедом с детьми по берегу Южной бухты Севастополя погожим весенним днем. Заслоненная от пронзительных морских ветров горой, возвышающейся над ней, Южная бухта всегда оставалась тихой и спокойной. Зеркальную ее поверхность лишь изредка морщил легкий бриз. Когда-то в гавани, глубоко врезающейся в сушу, обитало множество дельфинов. Их веселые игры Анастасия наблюдала в мае 1783 года с борта флагманского корабля Азовской флотилии «Хотин». Тогда эскадра из одиннадцати русских военных парусников впервые вошла в Ахтиарскую бухту, положив начало славному Черноморскому флоту.

Все это были не очень большие, с мелкой осадкой суда, в основном, фрегаты и шхуны, имевшие на вооружении от сорока до двадцати пушек. Строили их на верфях Воронежского края или в Таганроге. Не обладая высокими мореходными качествами, они, тем не менее, сыграли свою роль в Первой русско-турецкой войне и изгнали османский флот сначала из Азовского моря, а затем – и от берегов Крыма.

Прошло пять лет. Дельфины совсем ушли из Южной бухты, ибо спокойная, безмятежная жизнь этих разумных морских животных тут закончилась. Русские начали строить по берегам бухты пристани и причалы, вбивать сваи в морское дно по правой стороне гавани. На левой были устроены доки, чтобы килевать и ремонтировать суда. Там заработали кузницы и лесопилки, канатные мастерские. По водной глади засновали баркасы, ялики и лодки, перевоза грузы с одной стороны на другую. Появилось несколько больших линейных кораблей, имевших осадку до пяти метров, восемь фрегатов с сорока пушками на борту, легкие крейсерские суда, которые иногда называли и корсарскими, брандеры, шхуны, посыльные пакет-боты, баржи и прочие плавсредства, нужные для деятельности крупного военно-морского соединения.

От улицы Екатерининской до Южной бухты было рукой подать. Туда вела грунтовая дорога с пологим спуском и поворотом, а также – лестница, вырубленная в скале. Обычно Аржанова вместе с дочерью Александрой и сыном Владимиром шли по лестнице, потому что по дороге теперь часто ездили телеги и возы, нагруженные флотским имуществом. Севастопольская эскадра готовилась к навигации 1789 года.

Проведя земляные работы, русские отняли у горы немалую часть. Они сильно расширили и выровняли береговую полосу, благоустроили ее. Снабженная складскими постройками, деревянными мостками и причалами, она теперь тянулась почти до Графской пристани. Ближе к берегу стояли на якорях фрегаты, имевшие осадку до четырех метров. Дальше за ними на глади Южной бухты возвышалась краса и гордость эскадры – линейные корабли «Святой Павел», которым долгое время командовал сам Ушаков, «Преображение Господне» (командир – капитан второго ранга Селивачев), «Святой Александр Невский» (командир – капитан второго ранга Языков), «Святой Андрей Первозванный» (командир – капитан второго ранга Вильсон), «Святой Георгий-Победоносец» (командир – капитан второго ранга Поскочин), «Святой Владимир» (командир – капитан второго ранга Чефолиано).

Всех этих доблестных мореходов Анастасия знала лично, как, впрочем, и других офицеров военных парусников. Не будучи любителем светских развлечений, командующий севастопольской эскадрой Ушаков согласился на проведение в недавно отстроенном здании Адмирал-

тейства балов и еженедельных приемов, где могли участвовать и жены командного состава. Там играл военный оркестр, бывало скромное угощение, иногда ставили любительские спектакли. Собственно говоря, других развлечений в Севастополе не имелось, и вышеназванные являлись единственной отдушиной в однообразной, особенно зимой, жизни далекого от столицы Империи южного гарнизона. Они позволяли морякам с разных кораблей лучше познакомиться друг с другом, отвлечься от тяжелой морской службы.

Потому Аржанова не удивилась, когда ее окликнул молодой офицер, руководивший погрузкой с пристани на большой баркас, прямо к ней пришвартованный, восьми орудий. Лейтенант артиллерии Константин Подыма с фрегата «Святой Амвросий Медиоланский», недавний выпускник Артиллерийского и инженерного корпуса в Санкт-Петербурге, запомнился ей тем, что прекрасно танцевал контрданс. Без сомнения, и лейтенант тоже вспоминал свою партнершу – княгиню Мещерскую.

Женщин в Севастополе пока было мало. Не так-то легко познакомиться с девушкой из хорошей семьи и жениться флотскому офицеру. Ведь большую часть времени он проводит вдали от земли, бороздя черноморские воды с апреля до декабря.

Маленького Владимира заинтересовали пушки, и курская дворянка ступила на деревянный настил, приблизилась к баркасу. Два чугунных ствола с необычным, близким к овалу дульным отверстием и некоторым сужением в казенной части, опутанные толстыми пеньковыми канатами, уже находились на судне. Матросы взяли за третий, лежащий на лафете – невысокой дубовой тележке с четырьмя колесиками, которая стояла на пристани.

Лейтенант снял треуголку, галантно поклонился даме и поцеловал протянутую ему руку. Радуюсь поводу побыть с очаровательной Анастасией Петровной наедине – матросы, что грузили пушки, конечно, не в счет, – Константин разрешил маленькому князю Мещерскому детально обследовать орудие и даже посидеть верхом на его стволе. Попутно молодой офицер довольно живо, доходчиво и забавно объяснял ребенку, как заряжают пушки на кораблях и стреляют из них. Под конец, когда он стал сравнивать полет пушечного ядра с похождениями персонажа русской сказки по имени Колобок, прислушалась и княжна Мещерская, страшная непоседа.

Флора не ожидала, что артиллерист окажется столь умелым рассказчиком. Танцую с ней на последнем балу в Адмиралтействе, Подыма, как всегда, держался скромно и застенчиво. Их беседа не выходила за рамки, очерченные светскими правилами: игра музыкантов, погода на море, новые назначения и производства в чин, сделанные Главнокомандующим Потемкиным-Таврическим.

Чтобы поддержать разговор, увлекший детей, Аржанова спросила у лейтенанта, зачем на его фрегате сейчас меняют орудия.

– Их превосходительство капитан бригадирского ранга Ушаков сего добился, – ответил Подыма.

– Но прежде я никогда не видела подобных пушек, – Анастасия указала на овальное дульное отверстие.

– Правильно, – молодой офицер кивнул. – Это – единороги. Наше, русское изобретение. Они имеют коническую зарядную камору, которая ускоряет зарядание и способствует меньшему рассеиванию снарядов. Весьма полезны для стрельбы картечью. На Черноморский флот поступили впервые. Басурманам на палубах их кораблей теперь сильно не поздоровится.

– Значит, скоро в поход?

– Приказа пока нет, но мы его ожидаем.

– Тогда, Константин Иванович, мы будем вас провожать. Не правда ли, дети?

– Правда, – подтвердил Владимир, не сводя зачарованного взгляда с лейтенанта.

– А ты уже бывал на каком-нибудь фрегате? – обратился к нему молодой офицер.

– На фрегате? Нет, не бывал.

– О! Знаешь, сколько там необычных вещей! И якоря, и мачты, и реи, и огромные паруса, и веревочные лестницы, называемые вантами, и штурвал, который крутят два матроса.

– Маменька! – схватил за руку Анастасию сын. – Пойдем на флегат!

– Может быть, действительно устроим экскурсию? – артиллерист вопросительно посмотрел на княгиню Мещерскую.

– Конечно! – она легко согласилась на это предложение потому, что лейтенант нравился ей все больше. Молодой, очень симпатичный, обходительный, благовоспитанный и с детьми умеет разговаривать. – Но не сегодня, Константин Иванович. Время к обеду, нам пора возвращаться домой. Милости прошу в гости. Заходите безо всяких церемоний. Там и договоримся о посещении корабля. Наверное, надо поставить в известность вашего командира – капитана второго ранга Нелединского...

– Так точно, ваше сиятельство. Однако о том не беспокойтесь.

Константин Подыма снова снял треуголку, поцеловал руку прелестной своей собеседнице и затем посмотрел на берег. Там остановилась бричка, запряженная парой гнедых лошадей. На ней всегда ездил заместитель управляющего конторой севастопольского порта – полковник, князь Мещерский. Теперь он внимательно разглядывал лейтенанта. Артиллерист поклонился штаб-офицеру. Аржанова, увидев, что лицо его приняло другое выражение, резко обернулась. Полковник крикнул ей:

– Анастасия Петровна, я – за вами. Пожалуйста в экипаж. Мы едем домой обедать...

Глава вторая. Бойцы вспоминают минувшие дни

Супруг курской дворянки появился на набережной Южной бухты не из досужего любопытства. Во-первых, в ведении конторы Севастопольского порта находились складские помещения, там расположенные, и князь периодически делал им ревизию. Во-вторых, в контору сегодня в двенадцать часов дня доставили толстый пакет из Санкт-Петербурга с красными сургучовыми печатями. На пакете указывались его должность, чин и фамилия, но Мещерский знал, что внутри находится послание для Флоры от ее начальника, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй, действительного статского советника Петра Ивановича Турчанинова. Именно таким образом осуществлялась конфиденциальная переписка Аржановой с секретной канцелярией Ее Величества.

Однако это было первое письмо из столицы после возвращения Флоры домой. Видимо, ее отпуск закончился, и начальство извещало об этом Анастасию, сообщая ей о новых целях и задачах. Михаил тому обрадовался. Он рассчитывал вновь стать полезным русской внешней разведке, найти место в ее планах на будущее. Тогда, глядишь, и отношения с женой изменятся в лучшую сторону, она перестанет его игнорировать в супружеской постели.

Мещерский вручил Анастасии пакет прямо в прихожей особняка. Аржанова передала детей няньке Арине, поднялась к себе в кабинет и быстро вскрыла большой конверт из коричневой крафт-бумаги.

«Милостивая моя государыня Анастасия Петровна! – писал ей Турчанинов своим особым, четким, как бы квадратным почерком. – Из Вашего последнего донесения усмотрел я, что после великих трудов в Стамбуле и при крепости Очаков пришли Вы в отдохновение, силы восстановили, почему и готовы приступить к прежней работе в Крыму. Извещаю Вас о важных событиях, имеющих касательство до настоящей нашей войны с турками. Сведения сии получены из конфиденциальных источников при дворе султана, нами проверены и сочтены точными. Посему императрица имеет поручения ко всем сотрудникам секретной канцелярии Ее Величества...»

Далее действительный статский советник сообщал Флоре, что в конце марта сего, 1789 года, умер повелитель всех правоверных султан Абдул-Гамид Первый и на престол в Турции вступил его племянник, Селим Третий, 28 лет от роду. Молодой самодержец был преисполнен самых решительных намерений и грозил Российской империи продолжением военных действий, приостановленных было из-за зимы и тех поражений, что нанесли османам русские войска. Наиболее чувствительным из них являлось взятие крепости Очаков.

Селим Третий назначил нового коменданта крепости Эски-Хасан-пашу. Тот на собственные средства собрал и вооружил семитысячный ударный отряд и дал клятву султану Очаков вернуть обратно. О том, что крепость разрушена почти до основания и перестала существовать как стратегический пункт, турки не думали.

Капудан-пашой османского флота на Черном море Селим назначил своего друга и наперсника – двадцатипятилетнего Хуссейна. «Едва зная читать и писать, как все серальские чиновники, – уточнял Турчанинов, – он горд столько же, сколько они, но с весьма легкими понятиями и большой деятельностью. Он вздумал о себе, будто нет искуснее его адмирала, как и то, что флот турецкий, согласно представлениям сераля, не имеет равных». На том основании задиристый Хуссейн обещал повелителю правоверных в скором времени вернуть полуостров Крым под его скипетр.

Требовалось только разгромить молодой российский Черноморский флот. После этого высадка многотысячного турецкого десанта на полуостров трудностей не представляет, утверждал Хуссейн. Тем более, мусульман-единоверцев там с нетерпением ждут крымские татары. Они, достав из схронов оружие, тотчас нанесут удар русским в спину. Джихад восторжествует,

грязные собаки-кяфиры, истекая кровью, уберутся прочь. Над всей Османской империей, необъятной и могучей, засияет солнце победы. Ислам – самая мирная религия на Земле – будет и дальше распространяться беспрепятственно.

Селим Третий настолько уверовал в обещания молодого флотоводца, что уже назначил очередного крымского хана из династии Чингизидов. Их, разновозрастных потомков рода Гиреев, жаждущих возвращения к власти, при султанском дворе теперь обреталось немало. Они говорили самодержцу, будто имеют массу сторонников в Крыму. Селим Третий подумал и выбрал из всех претендентов Бахт-Гирея, тоже молодого, заносчивого и очень самонадеянного человека. Правда, он бывал в Бахчисарае лишь в раннем детстве, и оттого Турчанинов не считал его связи с исламским террористическим подпольем в Крыму прочными и разносторонними. Скорее, от его имени начнет действовать турецкая разведка «Мухабарат», наш противник давний и многоопытный.

Когда османские войска с помощью Аллаха разобьют неверных, то Бахт-Гирей на турецком корабле приплывет из Стамбула в Гезлеве. Как в старые добрые времена, он предъявит подданным султанский фирман на правление татарским государством в Джума-Джами, крупнейшей мечети ханства. Затем, предводительствуя отрядами восточных всадников, преданных ему безгранично, новый хан победоносно вступит в Бахчисарай, столицу полуденной страны. Беям и мурзам придется проголосовать за его избрание правителем...

Завершив изложение стамбульских новостей, начальник секретной канцелярии спрашивал Флору, могут ли воплотиться в жизнь эти пылкие крымские мечтания придворных Селима Третьего и как, по ее мнению, необходимо поступать, дабы они ни в коем случае не осуществились.

Впрочем, кроме письма Турчанинова, довольно пространныго, в пакете имелись и какие-то другие документы и бумаги, но прочитать их сразу Аржанова не успела. Горничная Глафира пришла к ней и сказала, что стол к обеду давно сервирован, что дети очень проголодались, что прибыл гость – поручик Екатеринославского кирасирского полка Чернозуб...

Курская дворянка переделалась к обеду и спустилась на первый этаж в столовую. Досифей, наряженный в ливрею с золотыми позументами, тотчас принес из кухни и поставил на стол фаянсовую супницу с крышкой. Право разливать первое блюдо по тарелкам принадлежало только хозяйке дома. Открыв крышку и повернув несколько раз половник на дне объемистой посуды, Аржанова наполнила первую тарелку красным густым борщом и подала ее мужу. Вторым на очереди был гость, поручик Чернозуб. Потом по тарелке борща получили дети. После этого Анастасия обеспечила горячей едой себя.

Пока происходил этот ритуал, Досифей на подносе подал мужчинам по стограммовой чарке водки с закуской – двумя маринованными зелеными огурчиками длиной чуть более мизинца, прозрачными и хрустящими. Полковник и поручик выпили, не чокаясь, лишь поклонившись княгине Мещерской. Она сказала им: «На доброе здоровье, господа!»

Чтобы дети не мешали родителям, их кормлением занималась нянька Арина. Княжна Александра уже умела держать ложку между пальцами. Маленький князь Владимир сжимал ее всей пятерней. Борщ они уплетали за обе щеки, ибо длительные прогулки по берегу моря, как правило, вызывают отменный аппетит.

Первое блюдо – не время для бесед и обсуждения кулинарных способностей повара. Борщ или суп съедают в молчании, не торопясь, но и не медля, дабы горячее не превратилось в холодное и не утратило бы своих вкусовых качеств. Допускаются лишь короткие реплики, вроде той, что произнес, промокнув губы салфеткой, поручик Чернозуб:

– От це борщ як борщ! Дуже смачно!

Не будучи с детства обучен дворянским манерам, казак Полтавской губернии за годы службы в Российской императорской армии усвоил правила хорошего тона почти в полном объеме. Много тому способствовало его производство в первый офицерский чин весной 1787

года и постоянное общение с Анастасией Аржановой, охрана которой ему была поручена в том же году. Говорил он по-прежнему на некоей смеси «ридной мовы» с русским языком. Однако это не мешало членам разведывательно-диверсионной группы его понимать.

Воспоминания о поездке в Стамбул и боевых действиях при крепости Очаков у Чернозуба остались замечательные, хотя при подрыве турками минных галерей возле крепости он получил легкое ранение. Рассуждения о прошлых операциях в среде сотрудников секретной канцелярии Ее Величества считались дурным тоном. Потому поручик Екатеринославского кирасирского полка пришел в гости к командиру с другими намерениями – посоветоваться о будущем. Следовало только дождаться перемены блюд, и когда подали биточки с гречневой кашей, Чернозуб громогласно объявил:

– Ваш-выско-бродь, зараз прийшло мени на ум, шо вже пора жениться.

– А невеста-то имеется, Остап Тарасович? – спросила Аржанова.

– Та як же ж, ваш-выско-бродь. Само собой.

– Кто такая?

Могучий украинец потупился и ответил не сразу:

– Не наша вона зовсим, ваш-выско-бродь. Из басурманов будэ.

Михаил и Анастасия, переглянувшись, одновременно положили вилки на стол, а нянька Арина еле слышно хихикнула. С очаковскими невольницами в доме Мещерских, приставленными к кухне и уборке комнат, она встречалась ежедневно и первой догадалась, кого имеет в виду отважный кирасир. Из темных, не умеющих ни читать, ни писать, ни считать и забитых турецких рабынь да сразу в жены русского офицера – судьба поистине завидная. Интересно, как к подобному превращению отнесутся князь и княгиня? Коли принимают они у себя поручика Чернозуба, то и будущую его супругу усаживать рядом с собой за стол им придется.

– Видимо, ты говоришь о черкешенке шестнадцати лет от роду по имени Зухра из гарема анычарского аги, что досталась тебе по распределению от генерал-фельдмаршала Потемкина-Таврического, – сказала после долгого молчания Аржанова. – Думаю, ее лучше продать. Здесь, в Севастополе, за черкешенку дадут хорошие деньги. Они тебе нужнее. Ведь ты собирався купить или построить собственный дом...

– Грошей для хаты и так выстачить. Але бильше потрібна гарна жинка, – когда Чернозуб начинал волноваться, он полностью переходил на родной язык.

– Бесспорно, некоторые кавказские женщины очень красивы, – гнула свое курская дворянка. – Но нрав имеют угрюмый, неприветливый. Злы они, как настоящие ведьмы.

– А казачья нагайка на шо? – добродушно улыбнулся украинец.

По его разумению, это был сильный аргумент в пользу женитьбы на басурманке. Другие, более весомые свои аргументы в беседе с господами он приводить просто постеснялся. Они были из сферы интимных отношений. Не мог же, в самом деле, Чернозуб рассказывать вслух, с каким возбуждающим его бесстыдством действует Зухра в постели, сколько способов удовлетворения мужчины она знает, какие у нее упругие груди и ягодицы, а язык способен выделывать такие штуки, о которых кирасир и от бывалых солдат никогда не слыхивал.

Чернозуб переводил взгляд с Аржановой на полковника и ждал их ответа. Но они оба молчали, делая вид, будто очень заняты биточками и салатом, изготовленным из свежих, оранжерейных помидор, сладкого перца и зеленого лука, у Мещерских всегда подаваемого ко второму блюду. Флора понимала, что казак Полтавской губернии и словом не обмолвился о главном. Она-то знала про развращенность женщин из мусульманских гаремов. Невольницы сами рассказывали ей об этом и в Очакове, и в Бахчисарае, и в Гезлеве. За высокими стенами и закрытыми дверями иногда творились совершенно невероятные вещи. К чему только ни принуждали воины Аллаха своих безответных наложниц! Фантазия восточных сладострастников не имела предела, а у их несчастных жертв не было никаких возможностей противостоять изощренному насилию.

Находя молчание слишком затянувшимся и даже неприличным, князь Мещерский обратился к супруге:

– Qu, est que t u pence de sette histoire? Il a besoin de notre aide? Ou non?

– Cette histoire me ne plaît pas, – ответила она.

– Mais qu,est f faire?

– Donner conseil qualities a notre ami...⁴

В том, что поручик Екатеринославского кирасирского полка сейчас поведал им, и в том, что он утаил, виделось Флоре новое проявление кризиса, постигшего ее прославленную команду. Никогда прежде смелый и преданный делу богатырь Чернозуб в пристрастии к слабому полу замечен не был. Наоборот, он демонстрировал презрение к женщинам. В его глазах лишь одна прекрасная Анастасия Петровна, умевшая отлично стрелять, фехтовать, ездить верхом на бешеном своем жеребце Алмазе и ничего на свете не боявшаяся, возвышалась, подобно скале, над стадом, как он говорил, «безмозглых телок». И вот кирасир попался в сети к восточной телке. Впрочем, тому причиной мог быть и возраст. Буйная молодость миновала. Остапу Тарасовичу исполнилось тридцать восемь лет.

– Разве нельзя, добрый мой друг, – предложила ему Аржанова довольно-таки распространенный вариант у господ и крепостных, – тебе просто-напросто жить с этой самой Зухрой?

– А мои диты? – вдруг насупился Чернозуб. – Хиба ж це дило, шоб росли воны байстрюками, без роду-без племени? Шоб усякая вуличная шпана на их бы пальцамы указувала?.. Нет, я того не желаю!

Князь Мещерский решил вмешаться в беседу и, конечно, на стороне жены. Он строго разъяснил бывшему подчиненному:

– Не забывай, Остап, ты ведь – офицер Российской императорской армии. Ты должен испрашивать разрешение на брак у начальства. В рапорте необходимо указать имя невесты, ее происхождение, материальный достаток. Что ты напишешь там о турецкой невольнице?

– То-то и воно, ваш-выско-бродь, – грустно согласился поручик Чернозуб. – Потому зараз прийшов я до вас за советом. Бо чую, шо не даст свого дозволення командир гарнизонного севастопольского батальона подполковник Соколинский...

– Ну, сие не трудно, поручик, – сказала Аржанова. – На любого своенравного подполковника найдется полковник, а то и генерал.

– Мабуть, допомогните, ваш-выско-бродь? – с надеждой взглянул на нее Чернозуб и даже руку к груди прижал, поклонившись.

– Выход, конечно, есть.

– От це дуже добре, ваш-выско-бродь! – кирасир приободрился.

Аржанова взглянула на него испытующе: поймет ли он новую задачу, сможет ли ее исполнить? Все зависит от того, насколько послушна ему басурманка, а то ведь бывает и так, что полностью лишается соображения вроде бы зрелый, мужественный и разумный человек от этих сексуальных экзерсисов с молоденькой стервой.

– Придется твоей Зухре креститься, то есть принять православие? – серьезно произнесла курская дворянка. – Иначе ничем ее дурную натуру не обрабаешь. Потом буду просить за тебя самого капитана бригадирского ранга, Федора Федоровича Ушакова. Он-то человек добрый, ко многим сострадательный. Если, разумеется, не служить у него на корабле. Венчание – в городском храме во имя Святого Николая Угодника. Скажи ей о том, чужестранке...

– Та важко мени з нею обьясняться, ваш-выско-бродь, – признался храбрый кирасир.

– А в постели как обьясняешься? – не удержалась от колкости Анастасия.

Казак Полтавской губернии густо покраснел:

⁴ – Что ты думаешь об этой истории? Он нуждается в нашей помощи? Или нет?– Эта история мне не нравится.– Но что делать?– Дать ценный совет нашему другу... (фр.)

– Тамо ничего объяснять ей нэ трэба. Усе сама знае. Тильки повертайся з нею, да не зевай!..

Услыхав такой откровенный ответ, князь и княгиня Мещерские рассмеялись. Вторая часть обеда с компотом и яблочным пирогом прошла в непринужденной обстановке. Аржанова рассказала поручику Чернозубу, что прибыла новая инструкция из Санкт-Петербурга и согласно ей придется им снова путешествовать по побережью Крымского полуострова. Начинать Флора думает с западной стороны, с Гезлеве, ныне именуемом Евпаторией...

Аржанова очень любила крымскую степь, но только – весной, в апреле и мае, пока жаркое южное солнце не иссушит травы, бархатным ковром ее покрывающие. На этом зеленом бархатном ковре проступали дивные узоры: то поля лиловых фиалок, то всплески бело-желтых ромашек, то острова красных тюльпанов, то прогалины светло-лиловых крокусов.

На двух баркасах они сначала переправили лошадей, строевых и вьючных, через главный севастопольский рейд на Северную сторону. Потом оседлали, сели и поехали по степной грунтовой дороге на запад. Слева за рыжими невысокими холмами виднелось море, омывающее песчаные берега возле деревни Учкучевка. Справа расстилалась неоглядная широкая степь. Жаворонки, празднуя весну, пели где-то высоко в голубом небе, а степь цвела, жила, дышала благоуханным морским воздухом полуденного края. Аржанова вдохнула его всей грудью и захотела сама, как жаворонок, взлететь над бесконечным простором.

Между тем, одетая в офицерский мундир, подаренный ей Потемкиным-Таврическим, Флора ехала не впереди отряда, а во втором его ряду. Ее серый арабский жеребец Алмаз это сильно не любил и рвался вперед, отчего Анастасии приходилось крепче сжимать шенкеля и натягивать повод. Но правила безопасности на крымских дорогах они усвоили давно, проверили собственным печальным опытом и пока не собирались от них отступать. Таким образом, в колонне по два всадника в ряд первое место занимали поручик Чернозуб и сержант Прокофьев.

Команда в пятнадцать кирасир и драгун, числившихся при севастопольском гарнизоне, была сформирована быстро. Стоило лишь Аржановой предъявить подполковнику Соколинскому приказ, адресованный ему из Санкт-Петербурга. Весьма удивился подполковник занятиям очаровательной супруги князя Мещерского. Оказывается, по поручению Императорской Академии наук она изучала флору Крымского полуострова и обязывалась ежегодно представлять в столицу гербарии, собранные в разных районах Таврической области России. Гербарии эти имели столь необыкновенную ценность, что к охране оных и самой их собирательницы Военная коллегия предписывала Соколинскому привлекать не менее полувзвода кавалеристов в полном снаряжении и вооружении с запасом патронов на двадцать выстрелов.

Анастасии хотелось бы думать, что новое поручение императрицы позволит ей вновь собрать и привести в рабочее состояние свою знаменитую команду. Бездейтельность, которой предавались ее люди в течение трех месяцев, а также – большое количество золотых и серебряных монет, попавших к ним при разграблении крепости Очаков, по ее мнению, сослужило плохую службу тем, кто ранее государево дело умел поставить выше своих прихотей, или, по крайней мере, умело сочетал и то, и другое.

Первым откликнулся на ее зов поручик Чернозуб.

Успокоение снизошло на кирасира. Аржанова, как и обещала, сначала устроила крещение Зухры, при котором та получила имя Зои, святой мученицы, казненной за преданность вере Христовой во втором веке нашей эры, но именно 2 мая, когда надели серебряный крестик и на черкешенку. Затем последовало венчание. Хитрая девчонка без колебаний приняла оба обряда, так как уже находилась на третьем месяце беременности.

Борис Прокофьев, из однодворцев городка Вольска Саратовской губернии, обученный чтению, письму и счету, приглашение Флоры тоже счел за особую честь. Он ездил вместе с ней

в Стамбул, проявил храбрость при штурме Очакова и по представлению княгини Мещерской получил чин сержанта и серебряную овальную медаль на голубой муаровой ленте, с памятной надписью. На очаковские деньги он купил двухкомнатный домик с огородом и садом на Корабельной стороне. После чего... посватался к Фатиме, невольнице, отданной Аржановой Потемкиным.

Дело в том, что курская дворянка заставляла турецких рабынь забыть об их прежнем, полуживотном существовании. Она велела им снимать безобразный хиджаб и черную чадру хотя бы во внутренних помещениях линейного корабля «Святой Владимир», сидеть за столом рядом с мужчинами из ее команды, что являлось, согласно законам шариата, ужаснейшим преступлением для женщины. Мусульманки плакали и отказывались. Тогда Аржанова пригрозила сечь их плетью за непослушание. Ведь этих несчастных так обычно и наказывали в гаремах за самые незначительные проступки.

Кроме того, Флора не поленилась провести с ними несколько бесед на тюрко-татарском языке о том, что женщина есть такое же творение Всевышнего, как мужчина, только гораздо лучше его, ибо наделена способностью вынашивать и рожать детей, продолжая род человеческий на Земле. Невольницы буквально оцепенели от страха. По их представлениям, за подобное неслыханное богохульство кара Аллаха должна немедленно пасть на русскую госпожу. Но Аллах почему-то не вмешался, и эти разговоры продолжались, наполняя сердца бывших наложниц совершенно новыми чувствами.

Очаковский берег давно скрылся за водной гладью. Турция с ее зверскими обычаями и нравами исчезла, как фантом, привидевшийся человеку с больным воображением. Общие обеды делались все непринужденнее. Кирасиры галантно ухаживали за турчанками. По-видимому, тут сержант Прокофьев и обратил внимание на Фатиму, довольно миловидную, всегда приветливую.

Пример поручика Чернозуба вдохновил его на решительный шаг. Аржанова, высоко ценя морально-боевые качества Прокофьева и рассчитывая на дальнейшее сотрудничество с ним, согласилась, но при тех же условиях: сначала крещение, потом венчание. Фатима в тревоге спросила ее, как быть с калымом, он останется в ее семье или отойдет госпоже? Курская дворянка усмехнулась. Только мусульмане додумались покупать себе жен за деньги, как лошадей или верблюдов. Русские поступают совсем наоборот. Жена приносит свое приданое мужу, и такое приданое она за турчанкой даст обязательно.

Теперь сержант ехал впереди и заботливо оглядывался на добрую госпожу. Сорок турецких золотых флори молодые потратили с толком. Во-первых, купили двух коров и два воза сена для них. Во-вторых, солому на крыше дома заменили красной черепицей. В-третьих, приобрели много нужной хозяйственной утвари. В-четвертых, двенадцать монет оставили для будущего младенца. В придачу ко всему Фатима, нареченная при крещении Фаиной, оказалась женой справной, работающей, безотказной в постели.

Из прежних знакомцев Анастасии, унтер-офицеров Екатеринославского кирасирского полка, прошедших с ней крымско-татарскую закалку, один Семен Ермилов не ездил в Стамбул и не сражался с турками у стен Очакова, о чем, кстати говоря, очень жалел. Зато сейчас именно он вел свою лошадь рысью рядом с курской дворянкой, чуть-чуть касаясь ее колена своим коленом. Сержант развлекал Анастасию Петровну куртуазным разговором о прекрасной погоде, способствующей их путешествию. Подобно Чернозубу и Прокофьеву, Ермилов имел рост около 190 сантиметров, мощную фигуру, обладал огромной физической силой и всеми навыками бойца спецподразделения.

Что скрывать, Аржанова питала склонность к этим русским богатырям, не раз выручавшим ее из беды. Как живой щит, прикрывали они ее от татарских стрел, османских сабель, от шальных пуль лесных разбойников на московской дороге. Потому, повернув голову к Ерми-

лову, с ласковой улыбкой внимала она немудреным солдатским рассказам и в нужных местах восклицала: «Неужели?», «Ах, нет, такого не может быть!» или «Да-да, конечно!»

Согласно Уставу конного полка 1778 года «в замке», то есть позади курской дворянки, ехал меткий стрелок Николай с егерским штуцером, в походе всегда вынутым из чехла и заряженным. Его посадили на толстого, неповоротливого мерина по кличке Гнедко, самого спокойного и тихого во всем кирасирском табуне. Новоявленный капрал севастопольского гарнизона ездил верхом неважно и едва ли бы справился с управлением каким-нибудь бодрым, энергичным конем. Даже сейчас, при движении отряда неширокой рысью, Гнедко приходилось понукать, и Николай был занят этим, по сторонам не оглядывался.

Он с радостью покинул дом, где неделю назад его жена Арина родила мальчика, как две капли воды похожего на князя Мещерского. Младенца уже крестили и нарекли Алексеем. Большой, толстый, горластый, он кричал по ночам, требуя еды. Арина вставала к сыну. Николай видел, как пухлыми губками новорожденный жадно хватал сосок ее округлой груди, полной молока. Трогательный сюжет, излюбленный иконописцами, но ведь это был не его ребенок.

Между тем перед отъездом Флоры в Евпаторию супруг завел с ней разговор о том, как бы и ему поехать с ней в составе этого отряда. Он-де волнуется за нее и готов, как прежде, взять на себя заботы о безопасности.

– Но зачем, милый? – улыбнулась ему Аржанова. – Пятнадцати кавалеристов – вполне достаточно.

– Достаточно для чего? – не уступал полковник.

– Согласись, что времена изменились. На территории полуострова находится Крымский корпус генерала Каховского численностью до двадцати тысяч человек, в Севастополе на базе Черноморского флота еще – около восьми тысяч матросов и солдат. В самом Гезлеве, то есть в Евпатории, расположен пехотный батальон усиленного состава и батарея на двенадцать орудий.

– Тогда почему ты едешь туда?

– Хочу встретиться с кое-какими людьми.

– С татарами?

– С исламскими террористами, – уточнила Аржанова. – Далеко не все правоверные мусульмане поддерживают этих бандитов. Так что у меня всегда есть шанс...

– Следовательно, надежный защитник тебе не нужен?

– Помилуйте, ваше высокоблагородие! – с притворным удивлением произнесла курская дворянка. – Разве это подходящее занятие для заместителя управляющего конторой Севастопольского порта – скакать неведомо куда по степи день и ночь? Да ведь капитан первого ранга Доможиров тебя не отпустит. И будет совершенно прав!..

Никогда прежде не ездила Флора в Гезлеве-Евпаторию по западному, как бы дугой изогнутому побережью полуострова. Места же здесь были красивейшие. Оживляли их четыре достаточно большие, по крымским меркам, реки: Бельбек длиной 63 км, Кача – 68 км, Альма – 84 км и Булганак протяженностью 52 км. Все они впадали в Черное море, но начинали свой бег на северо-западных склонах главной горной гряды. Весной, при таянии снегов в горах, реки становились бурливыми и полноводными, однако долгим засушливым летом они быстро теряли живительную для этой земли влагу. Но долины их, особенно при впадении в Черное море, отличались богатым и разнообразным растительным миром.

Первый привал кавалеристы, жалея Аржанову, давно не ездившую верхом на дальние расстояния, сделали у реки Бельбек. Привязав Алмаза к высокому вечнозеленому дереву можжевельника, курская дворянка размяла в пальцах его душистый прошлогодний плод-шарик черно-фиолетового с сизым налетом цвета и спустилась к реке. Бельбек, разлившийся на своем каменистом нешироком русле, шумел, плескал светлой водой, а иногда нес на мелких волнах

подарки из предгорных южных лесов: обломки веток, сосновые шишки, коричневую утлую листву, уцелевшую от прошлого лета.

Ополоснув лицо и руки, Анастасия на минуту залюбовалась пологой речной долиной, освещенной солнцем. Она уже бывала в Турции, на Мраморном море и в лесах, его окружающих. Удивительным было сходство здешней природы со средиземноморской. К колыбели европейской цивилизации – Средиземноморью – вышла Россия, присоединив к себе Крым. Драгоценное сие приобретение должны хранить и беречь, как зеницу ока, все последующие поколения россиян!

Второй привал, уже с ночевкой, путешественники сделали вблизи реки Булганак. Здесь у дороги располагалась деревня Кишине (совр. село Табачное – А.Б.), где жили вовсе не татары, а переселенцы из Молдавии. Политика правительства Екатерины Второй, направленная на изменение национального состава населения на полуострове, осуществлялась, хотя и более медленно, чем государыня того хотела. Молдаване, ненавидевшие своих давних поработителей – турок, поселились фактически на побережье, получив во владение обширные земельные и лесные угодья. Если будет нужно, то ружья, порох и свинец им быстро доставят из симферопольского арсенала. Пусть их нелюбовь к мусульманам в нужный момент претворится в жизнь и поможет русским создать еще один опорный пункт обороны.

Самый богатый человек на селе – это мельник, и на его подворье остановилась княгиня Мещерская. Только он о том не догадывался, так как переговоры с ним вел на российско-украинском наречии поручик Чернозуб. По рукам ударили скоро. За пять серебряных рублей офицеру – комната, унтер-офицерам – две, солдаты спят на сеновале, лошадям по гарнцу овса и сколько угодно сена, на ужин постояльцам – три кувшина вина, жареный гусь на шесть килограммов весом и котел мамалыги с лепешками из пшеницы.

На ужин в горницу, освещенную лучинами, унтер-офицеры пригласили хозяина. Аржанова в своем зеленом кафтане с красным воротником, лацканами и обшлагами сидела в углу под иконами и помалкивала. Она вертела в руках, чтоб не отличиться от Чернозуба, Прокофьева и Ермилова, глиняную короткую трубочку, но, естественно, не курила. Разговор пошел длинный, однако познавательный. Мельник повествовал путешественникам о событиях давно минувших – о Русско-турецкой войне в 1770 году в родных его степях, когда входил он в отряд арнаутов, или конных молдавских партизан, помогавших русским. Чернозуб, имевший за сражение при Кагуле серебряную медаль, подтвердил его рассказ. Молдаванин, узнав, что поручик – из тех самых новотроицких кирасир, которые порубили османов в их лагере, расчувствовался и принес в дар бутылку самогона двойной очистки, светлого, как слеза. Ветераны сдвинули глиняные чарки, выпили и пообещали друг другу задать жару бусурманам, коль сунутся они сюда, на Крымскую землю...

Уж совсем недалеко от Евпатории увидела Анастасия еще одну крымскую достопримечательность – очень большое, но неглубокое соляное озеро под названием Сасык. Озеро кормило жителей трех деревень, расположенных по его берегам: Бюк-Акташи, Айдар-Газы и Эски-Карагурт. Татары не пахали, не сеяли и не жали. Они выгораживали в водоеме участки, выпаривали оттуда воду, собирали поваренную соль и с выгодой ее продавали. За этой вкусной сасыкской солью в Гезлеве приходили купеческие суда из Турции, Франции, Италии.

Озеро от моря отделяла неширокая полоса земли, и грунтовая дорога на Евпаторию пролегла как раз по ней. Резвым аллюром преодолели ее кавалеристы. Мелкие камни из-под копыт лошадей падали в озеро, но не подняли на его поверхности даже брызг, так тяжела была от высокого содержания соли его серая, неподвижная вода.

За озером, видимые издали, вставали белые стены крепости, возведенной здесь турками в XV столетии. Бастионы и башни, сложенные из бута и местного ракушечного камня-известняка, по всему периметру растянулись на три километра. Но грозный вид старинная османская твердыня имела лишь издали. Вблизи становились заметны разрушения на верхуш-

ках стен, трещины, змеившиеся между каменными плитами. Ров, прежде достигавший глубины трех метров и заполненный водой, теперь пересох, почти весь разрушился. Он зарос кустами кизила и шиповника, причудливо искривленными, покрытыми красной корой деревцами земляничника мелкоплодного – типичного крымского растения.

Тем не менее в крепости имелось пять ворот, запиравшихся на ночь. Первые – «Искеле-Капусу», или Ворота Пристани, выходили на море. Вторые – «Ат-Капусу», или Лошадиные ворота, находились на западной стороне стены и вели на Тарханкут, степной, пустынный край полуострова. Третьи – «Ак-Мулла-Капусу», или Ворота Белого Муллы, а также четвертые – «Одун-Базар-Капусу», или Ворота деревянного базара, прикрывали дороги на северо-восток: на Бахчисарай, Карасу-базар, Ак-Мечеть (то есть Симферополь), Перекоп.

Команда Аржановой подъехала к пятым воротам – «Топрак-Капусу», иначе – Земляным. Их украшала большая четырехугольная башня. На каменной ее вершине древние строители вырезали «гребешок» – символ данного фортификационного сооружения, и он отлично сохранился. Земляные ворота в высоту достигали пяти метров, в ширину – четырех. Свод их был полукруглым, внутри его поддерживали пять мощных арок. Длина проезда в воротах составляла примерно десять метров.

При необходимости они, конечно, могли стать дополнительным пунктом обороны. Только никто и никогда не штурмовал Гезлеве. Лишь однажды, в 1736 году, русские подошли к ней, наступая от Перекопа. Но ворота оказались открытыми. Трехтысячный турецкий гарнизон заблаговременно погрузился на корабли, стоявшие в гавани, и спокойно отплыл в Стамбул, оставив пришельцам с далекого Севера боевые трофеи – 21 медную пушку. Возможно, это являлось лучшим решением. Русские тогда не имели сил удержать завоеванное и вскоре ушли из Крыма, а турки вернулись и правили своей колонией еще почти пятьдесят лет.

Разумеется, не янычар в намотанной на голову цветной чалме, а русский солдат в черной фетровой шапке с козырьком и потертой зеленой куртке спросил у Чернозуба документ о проезде в крепость. Таковой имелся, снабженный печатью штаба Черноморского флота и кудрявой подписью Федора Федоровича Ушакова, в апреле сего года произведенного в контр-адмиралы. Створки Земляных ворот заскрипели, раздались в стороны, и команда кавалеристов, сдерживая лошадей, проскакала десять метров по утрамбованной земле в туннеле под надвратной башней.

За воротами Аржанова, зная Гезлеве как свои пять пальцев, приказала повернуть налево, в сторону моря и двигаться к старо-османской части города. Там располагалась соборная, или «пятничная», мечеть Джума-Джами, огромная, украшенная двумя минаретами, столь же внушительное здание турецкой бани возле нее, большой постоялый двор под названием «Сулу-хан» и текие (монастырь – А.Б.) дервишей, чей купол поднимался над городской застройкой примерно на пятнадцать метров.

Курская дворянка предполагала поселиться в «Сулу-хане», заведении, ей хорошо известном, солидном и достаточно дорогим. Его здание, возведенное в традициях средневековой мусульманской архитектуры, чем-то напоминало оборонительное сооружение. Толстые стены из камня без окон на первом этаже, крытая галерея вокруг обширного внутреннего двора, всего одни ворота из дубовых досок. На первом этаже находились склады и конюшни, на втором – жилые помещения с узкими, похожими на бойницы окнами.

Ворота «Сулу-хана» в этот предвечерний час были распахнуты настежь, и русский отряд, тесно сбившись, на коротком галопе влетел во двор, где и остановился. Солдаты спешили, взяли лошадей под уздцы, стали оглядываться. Судя по пустующим конюшням и конюшням, особого наплыва постояльцев здесь не наблюдалось. Человек в красной турецкой феске и суконном кафтане, подпоясанном шелковым кушаком, вышел во двор из дома, чтобы поговорить с вновь прибывшими. Сначала он держался важно, но когда увидел Аржанову, то обрадовался и воскликнул по-русски:

– Моя прекрасная госпожа! Какими судьбами вы здесь?

– Добрый день, Энвер! – ответила ему Анастасия. – А где твой отец, достопочтенный Шевкет-ага?

– Полгода назад он покинул наш мир и ныне, я в том уверен, пребывает в раю, – на лицо Энвера набежала тень. – Его должность управляющего «Сулу-ханом» досталась мне. Никто из моих старших братьев не пожелал вернуться в Гезлеве.

– Случай весьма печальный, – курская дворянка вздохнула. – Но что делать, все мы смертны, друг мой.

– Вижу, вы приехали сюда по делу, – управляющий, или по-турецки – назир, окинул быстрым взглядом команду кавалеристов.

– Как всегда, Энвер.

– После столь долгого отсутствия рад приветствовать у себя в гостях несравненную Анастасию-ханым и ее доблестных слуг! – он отвесил низкий восточный поклон, сперва приложив обе руки ко лбу, потом – к сердцу.

– Найдется ли в «Сулу-хане» место для усталых путников?

– Места сколько угодно, госпожа. Война сильно мешает коммерции. Купеческих судов из Стамбула и Синопа совсем мало. Все боятся новой севастопольской эскадры.

– Пусть боятся, Энвер! – Флора усмехнулась. – Для тебя же я привезла некоторую толику золотых монет.

– Да вознаградит Аллах вашу щедрость и доброту, госпожа! – Энвер, сообразительный малый, сразу догадался, о чем говорит Аржанова, но виду не подал. – Что будете заказывать на ужин?

– Обожаю турецкую кухню в натуральном ее исполнении. На первое – гювечь, на второе – берек с рыбой, на третье – пахлава, чай, фрукты. Не забудь про кувшины с бузой для солдат.

– Сколько кувшинов, Анастасия-ханым?

– Думаю, десяти хватит...

Энвер, младший сын первой жены назира Шевкет-аги, попал в поле зрения русской внешней разведки в 1778 году. До того времени шестнадцатилетний турок-мусульманин учился в медресе при текие дервишей и хотел посвятить свою жизнь служению Всевышнему. Но отец его не одобрил этих намерений. Он отправил сына в Ени-Кале, к своему двоюродному брату, который торговал лесом, и его партнерами являлись русские. Энвер, ведя документацию в конторе родственника, легко освоил язык неверных. Еще он стал посещать чайхану, где играли на деньги в кости, нарды, шашки и шахматы. Там он несколько раз проигрался до последнего акче. Выручил юношу из беды приказчик греческого коммерсанта Микаса Попандопулоса, тогдашнего резидента нашей разведки в Крымском ханстве. Сумма, указанная в трех долговых расписках, очень огорчила бы Шевкет-агу, если бы он узнал о ней. Однако эта тайна осталась ему неизвестной. Расписки передали в распоряжение Аржановой при первой ее командировке на полуостров. Сначала она использовала Энвера, так сказать, «втемную», предложив ему быть при ней переводчиком, а затем – и учителем тюрко-татарского языка.

Плененный красотой русской госпожи, молодой мусульманин с восторгом согласился. При второй поездке Флоры на полуостров в 1782 году сын назира, к тому времени ставший дервишем, снова увязался за Аржановой и был с ней при обороне горной крепости Чуфут-Кале от наемников-чеченцев, присланных бунтовщиком Бахадыр-Гиреем. Теперь курская дворянка напомнила ему о давнем долге и открыто предложила стать конфидентом, то есть осведомителем секретной канцелярии Ее Величества в Крыму, благо положение странствующего дервиша способствовало сбору информации. Энвер сразу дал согласие, ибо боялся гнева отца, безгранично доверял Анастасии-ханым и знал, что русские всегда платят хорошо.

Таким образом три его долговые расписки нашли свое место среди документов Флоры и остались непогашенными. Вознаграждение турок получал каждый раз сообразно своим доне-

сениям. Особенно денежными были для него годы 1782-й и 1783-й, когда на полуострове возник мятеж против законного правителя – светлейшего хана Шахин-Гирея, и когда тот отказался от трона в пользу Екатерины Второй. В 1787 году Аржанова также пользовалась его услугами при подготовке визита императрицы на полуостров.

Затем наступила пауза, о которой Энвер очень сожалел. Бросив бродяжничать с дервишами, он по просьбе Шевкет-аги, уже сильно болевшего, вернулся в Гезлеве и стал помогать родителю в «Сулу-хане». Прекрасную русскую госпожу турок видел около года назад. Он лишь изредка получал от нее записки на арабском языке с пожеланием успеха в делах и обещанием скорой встречи. И вот эта встреча произошла.

Энвер сам наблюдал за приготовлением блюд, заказанных Анастасией-ханым. Он распорядился использовать только свежайшие, наилучшие продукты из кладовой постоялого двора. Правда, в чайхане для дорогих гостей накрыли ужин по-турецки, то есть на низких столиках, за которыми следовало сидеть на кожаных подушках. Но ложки, вилки и ножи – предметы европейского обихода – в «Сулу-хане» уже появились. Назир Энвер-ага пожелал русским хорошего аппетита и удалился. Он знал, что Аржанова будет ужинать вместе с кирасирами и ей не надо мешать. Его время наступит позже. Он должен подготовиться к беседе.

Однако долго обдумывать свое новое донесение ему не пришлось. Энвер был в курсе всего, ныне происходящего в Джума-Джами и вокруг нее, потому как постоянный двор считался вакуфом этой мечети, то есть ее недвижимым владением, вечным и неотчуждаемым. Доходы от работы «Сулу-хана» поступали в распоряжение настоятеля храма и тратились им на различные нужды. Например, на ремонт здания, на поддержку неимущих прихожан, на религиозные праздники.

После присоединения Крымского ханства к России под названием Таврическая область османская разведка обратила особое внимание на соборные мечети, расположенные в приморских городах полуострова. Туда могли свободно приходиться купеческие суда из разных стран. Так стараниями турок некоторые мусульманские храмы превратились в центры подпольной, подрывной работы против российской администрации. Первый раз имама Джума-Джами, спрятавшего группу лазутчиков из Стамбула, ящики с порохом и оружием, разоблачили – не без помощи Энвера, конечно, – летом 1784 года. Исламских террористов заковали в кандалы и по этапу отправили в Сибирь, священнослужителя вместе с семьей выслали на родину, в Турцию.

Вместо этого провалившегося шпиона султан нашел для Гезлеве-Евпатории другого, более опытного и хитрого.

Хаджи-Джафар-эфенди получил отличное богословское образование в Стамбуле, совершил хадж в Мекку и потому носил на черно-каракулевой крымской шапке белую чалму из муслина. Весь Коран он знал наизусть и легко цитировал по памяти священные тексты, что производило на верующих неизгладимое впечатление. До осени 1787 года новый имам Джума-Джами жил тихо, как агнец небесный. Он старался наладить дружеские отношения с властями Евпатории и ничем не вызывать подозрений. Энверу даже стало неинтересно наблюдать за ним. Ни одного опрометчивого шага, ни одного двусмысленного слова на еженедельной пятничной проповеди в мечети.

Но война, объявленная Османской империей нашему государству, все изменила. У Джума-Джами начали постоянно крутиться местные фанатики-татары, мечтавшие о возвращении турок в Крым. Конфидент секретной канцелярии Ее Величества с псевдонимом Дервиш знал, о чем они говорят, собираясь после вечерней молитвы в доме Хаджи-Джафар-эфенди: о высадке многотысячного османского десанта на западном берегу полуострова, о прибытии сюда нового крымского хана, назначенного султаном, – Бахт-Гирея...

В девятом часу вечера назир «Сулу-хана» постучал в дверь комнаты, занимаемой курской дворянкой. Она сидела на низком диванчике – «сете» около горящего мангала и собира-

лась пить зеленый чай. Слуга назира вошел следом за ним, поставил на шестигранный столик «кьона» поднос с восточными сладостями и двумя чашками кофе по-турецки и удалился.

– Рассказывай о новостях, Энвер, – сказала княгиня Мещерская.

– Одна новость у меня хорошая, – молодой турок улыбнулся. – Недавно я смог заплатить калым за Мариам, среднюю дочь Ильяса, владельца столярной мастерской. Ей – тринадцать лет, она стройна, как тополь...

– Значит, ты вкушаешь радости плотской любви?

– Каждую ночь, а иногда – и днем.

– Поздравляю! – Аржанова поднесла к губам металлическую чашечку с горячим кофе.

– Но другие новости, госпожа, гораздо хуже. Имам Хаджи-Джафар-эфенди почти сформировал отряд из сорока человек, готовых взяться за оружие и здесь помогать высадке турецкого десанта. Они ждут скорой доставки пороха и вооружения из Стамбула.

– Неужели крымские воины Аллаха позабыли о традиционных луках и стрелах и наконец-то научились заряжать кремнево-ударные мушкеты? – удивилась Флора.

– В данный момент ружей у них нет. Но если получат, то, наверное, научатся. Уж очень они злые и отчаянные.

– Ты узнал, когда прибудет корабль?

– Пока нет. Дело в том, что у имама есть сторонники в порту, владельцы четырех двухмачтовых рыбацких фелюг. Они могут уходить от берега на пять-шесть миль и встречать парусники из Турции в открытом море. Незаметную перегрузку там осуществить легко.

– Плохо, Энвер, – покачала головой Анастасия. – Для поиска врагов командирам крейсерских судов севастопольской эскадры нужны более точные сведения.

– Я составил донесение, госпожа, – назир «Сулу-хана» опустил руку за пазуху своего суконного кафтана и извлек бумажный свиток. – Имена владельцев фелюг в нем указаны. Может быть, командир гарнизонного батальона в Гезлеве просто их арестует и тогда...

Однако Дервиш не договорил. Стекло в окне со звоном раскололось на куски, в комнату влетела и воткнулась в пол длинная стрела, посредине обернутая полоской холста, для надежности прихваченного сапожной дратвой. Энвер опустился на колени, подполз к стреле, выдернул ее из пола и размотал неровно отрезанный холст. На нем черными чернилами была выведена кириллицей татарская фраза: «Кызь Шайтан-нынъ! Иолджу олмак бунданъ!»

– Дочь Сатаны! Убирайся вон отсюда! – вслух перевела Аржанова.

– Это все он, – пробормотал молодой турок, не поднимаясь с колен. – Хаджи-Джафар-эфенди.

Тут дверь с шумом распахнулась. На пороге вырос могучий поручик Чернозуб с большим армейским пистолетом в руке. Сначала он бросил тревожный взгляд на курскую дворянку и с облегчением перевел дух, а потом наклонился к Энверу и взял у него стрелу.

– Мы услышали звон стекла и сразу догадались, – на чистом русском языке произнес казак Полтавской губернии. – Из своего окна мы увидели человека, убегающего по улице. Темнота скрыла его.

– Совсем они тут обнаглели, – задумчиво сказала Флора и развернула донесение евпаторийского осведомителя секретной канцелярии Ее Величества, чтобы немедленно его прочитать.

Энвер, смелостью в бою никогда не отличавшийся, на коленях же добрался до диванчика, который стоял далеко от окна, сел на него и большим красным платком вытер пот, льющийся со лба. Он надеялся, что с улицы разглядеть людей на втором этаже дома и в слабо освещенной комнате никому не удалось бы. Стреляли просто по окну. Но террорист, конечно, знал о проживающей в этом номере русской путешественнице.

Такие сведения мог ему передать лишь человек, работающий в «Сулу-хане». Следовательно, под подозрение попадали два конюха, повар и его помощник – мальчишка-поваре-

нок, конторщик и три прислужника, накрывающие столы в чайхане и убирающие в комнатах за постояльцами. Можно предположить, что имам Джума-Джами при постоянных и дружески-деловых отношениях с Энвером не очень-то ему доверяет и потому держит в «Сулу-хане» своего лазутчика. Подобный вывод огорчал Дервиша больше всего и заставлял беспокоиться о будущем.

– Хорошее донесение, подробное и основательное, – нарушила молчание курская дворянка, отложив в сторону бумагу. – В связи с военными действиями против османов ставки по вознаграждению конфиденентов у нас возросли. Ты, Энвер, получишь за него десять золотых червонцев. Плюс к ним – четыре рубля серебром за разбитое окно и те неприятные чувства, которые ты испытал при сем внезапном приключении...

На следующий день с утра пораньше поручик Екатеринославского кирасирского полка Остап Чернозуб отправился в штаб-квартиру гарнизонного батальона и встретился там с его командиром – подполковником Шаболдиным. Он передал подполковнику стрелу, но без полоски холста с татарской надписью и свой рапорт, в коем описывал случившееся в «Сулу-хане» и требовал разбирательства по существу дела. Это не вызвало у командира батальона никакого энтузиазма. Он сказал кирасиру, что татары здесь пошаливают давно, а коль стрела никого не задела, то и причин нет начинать следствие.

Гораздо больше Шаболдина заинтересовало прибытие в крепость, его командованию вверенную, княгини Мещерской, супруги заместителя управляющего конторой Севастопольского порта. Он что-то уже слышал об этой женщине, хотя и занял свою должность относительно недавно, полгода назад, будучи с повышением в чине переведен из Копорского пехотного полка. Чернозубу пришлось довольно долго отвечать на вопросы любознательного штаб-офицера. Сошлись на том, что завтра подполковник нанесет визит знатной даме в ее апартаментах на постоялом дворе между десятью и одиннадцатью часами утра.

Тем временем сама Аржанова беседовала с Абдулла-беем из рода Ширин, при хане Шахин-Гирее бывшем каймакамом, то есть управляющим округом Гезлеве, и его младшей сестрой Рабие. Беседа протекала в саду городской усадьбы татарского вельможи, под журчание фонтана, в тени огромного тисового дерева, на хорассанском ковре, расстеленном на невысоком квадратном топчане под ним. Абдулла-бей по традиции угощал дорогую гостью кофе, сладкими коржиками «къурабие», засахаренными фруктами.

Восточный этикет позволял ему при этом полулежать на подушках, курить кальян, с умилением наблюдать за детьми от четырех его жен, играющими неподалеку в прятки. Рабие, чья красота с возрастом не увядала, а только делалась более пышной и яркой, с обожанием смотрела на русскую подругу. Ведь они давно не видались.

Аржанова приехала к Абдулла-бею с просьбой о сотрудничестве. Он по-прежнему принадлежал к так называемой «русской партии», имевшей среди крымско-татарской знати немало сторонников. В 1783 году крымчанин вместе со старшим братом Мехметом оказал русским большие услуги, обеспечив спокойное и бескровное отречение от престола последнего крымского правителя – светлейшего хана Шахин-Гирея. Награда за таковое деяние была щедрой. Род Широных существенно увеличил свои земельные владения на востоке полуострова. Да и в округе Гезлеве Абдулла-бею передали поместья двух мурз, по глупости и упрямству сбежавших в Турцию.

Курская дворянка рассказывала бывшему каймакаму о штурме османской крепости Очаков, о молодом султানে Селиме, пожелавшем снова оккупировать Крым, о татарском недоумке Бахт-Гирее, согласившемся занять странную должность хана, у которого нет ханства. Абдулла-бей только улыбался. Рядом с ним на подушке лежал переплетенный в желтую сафьяновую кожу томик стихов Гийаса ад-Дина Умара ибн Ибрахима ал-Хайама. Этот знаменитый персидский поэт, философ, математик и астроном жил в XI столетии в провинции Хорассан.

Абдулла-бей выучил персидский язык, равно как и французский, в медресе для детей султанских придворных в Стамбуле, затем путешествовал по Европе, участвовал в Первой русско-турецкой войне и летом 1770 года наблюдал разгром османской армии при реке Кагул. Крымско-татарский отряд спасся, вовремя бежав с поля битвы в крепость Ак-керман. С тех пор блестящий представитель старинного и богатого рода Ширин разуверился в мощи повелителя всех правоверных. Он поставил на пришельцев с далекого Севера и не прогадал. Но успех в жестокой игре не изменил его характера, довольно-таки флегматичного.

Ныне, перечитывая произведения Умара ибн Ибрахима ал-Хайама, крымчанин нашел в них подтверждение своим мыслям. Он решил переводить рубаи, или четверостишия на тюрко-татарский язык, дабы донести до соплеменников, еще не успокоившихся после недавних событий, великую мудрость древнего философа. В ответ на суровые речи русской путешественницы Абдулла-бей тоже процитировал стихотворение из книги, переплетенной в желтый сафьян:

«Мы из глины, – сказали мне губы кувшина, —
Но в нас билась кровь цветом ярче рубина...
Твой черед впереди. Участь смертных едина.
Все, что живо сейчас, завтра – пепел и глина!»

Аржанова сильно сомневалась в том, что завтра станет пеплом и глиной. Это как-то не входило в ее планы и абсолютно противоречило намерениям правительства императрицы Екатерины Второй. Подобных превращений россияне ожидали только от своих лютых врагов, а сами хотели жить долго, бурно, богато и счастливо, торжествуя победы, радуясь новым свершениям.

Однако намек татарского вельможи Анастасия поняла. Прибегнув к причудливому восточному красноречию, Абдулла-бей, человек умный, известный и влиятельный, отказывался снова помогать ей, вмешиваться в русско-турецкие распри. Не спеша покуривая кальян в саду, где в конце апреля распустились бело-розовые цветы на абрикосовых деревьях, где пели птицы, где фонтан вел неумолчный рассказ о чем-то прекрасном, но – увы! – непонятном, он вроде бы советовал Флоре забыть о таком фантоме, как долг службы, и взглянуть на окружающее иначе.

Рабие, подав вторую чашку кофе княгине Мещерской, встретила с ней взглядом и в испуге опустила глаза. Русская путешественница сердилась. Если же Аржанова приходила в ярость, то никакого душевного разговора у них обычно не получалось. А младшая сестра Абдулла-бея хотела побыть с подругой подольше и приглашала ее в турецкую баню, ведь сегодня среда – женский день в этом роскошном помывочном заведении.

Молчание становилось угнетающим.

Татарский вельможа, хитро щуря глаза, наблюдал за гостьей. Понемногу она справилась со своими чувствами. Никогда нельзя откровенничать с этими собаками-мусульманами. Сколько ни плати им золота, они останутся прежними – людьми иного, варварского кочевнического мира, чуждого христианским ценностям. Быть готовым к любой неожиданности есть удел всех, кому государыня поручила дружить с ними во имя единства великой Империи.

Горячий черный кофе, наполнявший чашку до краев, показался Аржановой на вкус горше, чем полынь. Но курская дворянка медленно выпила его, поставила чашку на столик и, улыбнувшись Рабие, спросила, сейчас она хочет ехать в баню или попозже. Младшая сестра Абдулла-бея радостно хлопнула в ладоши:

– Шу-саатъ, джаным!
– Пек яхши⁵.

⁵ – Сейчас, душа моя!– Очень хорошо... (тюрк. – татар.)

Турецкая баня, или «хамам», располагалась в Гезлеве-Евпатории совсем недалеко от соборной мечети Джума-Джами и, пожалуй, не уступала ей по красоте архитектурных форм и добротности. Девять куполов с круглыми окнами на самом верху, толстые и высокие стены, сложенные из бута и местного оолитового известняка, нарядная арка у главного входа. Внутри имелся просторный предбанник с мраморными полками и полом, за ним так называемый аподиторий – квадратное помещение с фонтаном – и далее – девять отсеков-комнат и небольших залов, где клубился плотный желтоватый пар, из кранов текла холодная и горячая вода, и на теплом мраморном подиуме, облитом мыльным раствором, сидели и лежали обнаженные мусульманки.

Хамам – единственное публичное место для восточной женщины, куда она могла выйти из своей тюрьмы-гарема, избавившись от жесткого и бесконечного контроля и угнетения. Оттого турчанки и татарки проводили в бане по нескольку часов. Сначала они принимали водные процедуры, потом переходили в аподиторий и, отдыхая от парной, располагались там на мраморных скамьях, пили кофе и шербет, курили кальян, болтали и смеялись. Собственная и чужая нагота несколько их не смущала. Наоборот, с особой чувственностью, присущей южным народам, они наслаждались ею, оценивая друг друга и со знанием дела обсуждали женские прелести, иногда вспоминая и о некоторых деталях мужской красоты.

Когда Аржанова осенью 1780 года впервые попала в евпаторийскую баню, то была ошеломлена подобными откровенными нравами. Здесь Рабие увидела русскую путешественницу и сама познакомилась с ней. Крымская красавица сходу предложила Анастасии свою любовь. Однако никаких инструкций на сей счет Флора от начальства не получала. Кто такая Рабие, она тоже не знала и вежливо отклонила необычное предложение. Лишь позже выяснилось, что старший брат юной татарки – каймакам округа Гезлеве, и он давно ищет надежный контакт с русскими.

Естественно, разработку нежданно появившегося сторонника поручили Флоре. Она понравилась татарскому вельможе. Вероятно, рекомендации его любимой сестры тут сыграли роль. Их сотрудничество оказалось плодотворным и вполне успешным, кардинально повлиявшим на политическую ситуацию в Крымском ханстве. От него выиграли все: и Абдулла-бей, и курская дворянка. Между погонями, засадами, перестрелками, а также переговорами с кичливой крымско-татарской знатью кое-что перепало и страстной Рабие...

За прошедшие девять лет ничего не изменилось в великолепной бане возле мечети Джума-Джами. Котлы все также нагревали воду, и она по свинцовым трубам поступала к кранам. Поверхность мраморного подиума оставалась гладкой и теплой. В отдельном кабинете по-прежнему трудилась отличная массажистка Эмине, а в небольшом бассейне, куда вела дверь из кабинета, плескалась чистейшая вода, достигавшая температуры человеческого тела. За бассейн брали особую плату, и младшая сестра любителя персидской поэзии уже за него заплатила. Совместное купание сулило много возможностей для тайных, сокровенных прикосновений.

Аржанова окунулась два раза, целомудренно поцеловала подругу в щеку, потом завернулась в простыню и ушла в аподиторий. После сегодняшнего разговора с Абдулла-беєм никакие обязанности службы не давили над ней.

Конечно, кто-то из женщин, связанных с исламским террористическим подпольем, увидел здесь русскую «Кызь Шайтан-нынъ». Разносчица шербета наливала из кувшина сладкий охлажденный напиток в фарфоровую пиалу, которую Анастасия держала в руках, отвечая сестре бывшего каймакама, усевшейся рядом с обиженным видом. Но никто не осмелится убивать гостей могущественного Абдулла-бея в городе, некогда ему подвластном...

Разговор с княгиней Мещерской получился вовсе не таким, как ожидал подполковник Шаболдин. Он прибыл на randevу точно в назначенное время, вручил прекрасной даме букет белых роз, поцеловал протянутую руку и принялся осыпать собеседницу комплиментами в том

старинном великосветском духе, когда сам служил сержантом в лейб-гвардии Семеновском полку в Санкт-Петербурге. Анастасия молча подала командиру гарнизонного батальона сложенный вдвое лист гербовой бумаги с водяными знаками, красной государственной печатью и подписью царицы «Екатерина» – простой, без завитушек и росчерков, легко читаемой.

Несколько удивленный, Шаболдин раскрыл лист и увидел, что это – рескрипт государыни, в коем предписывалось всем должностным лицам Российской империи оказывать всемерную помощь подательнице сего документа и выполнять ее просьбы незамедлительно. Теперь он вспомнил, где встречал княгиню – на царском приеме в Бахчисарайском дворце в мае 1787 года. Командир Крымского корпуса генерал-поручик Каховский сказал штаб-офицерам пехотных полков Копорского и Вятского, присутствовавшим на приеме, буквально два слова об этой красавице.

Таким образом, от куртуазной беседы ему пришлось отказаться. С милой улыбкой Анастасия Петровна предложила подполковнику чашечку кофе в утешение и вместе с ним села за столик, где стояла ваза с бисквитами, сахарница и молочник. Шаболдин добавил в чашку молока и сахара, откусил изрядный кусок от пирожного и приготовился слушать. Аржанова начала читать ему выдержки из донесения евпаторийского конфидента секретной канцелярии Ее Величества, подписывавшегося псевдонимом «Дервиш».

Кое-что о кипучей деятельности имама Хаджа-Джафар-эфенди командир гарнизонного батальона знал, но относил это к особенностям существования мусульманской общины, или «джамаата». Вмешиваться в исламскую религиозную жизнь приказа у него не было, наоборот – был приказ сохранять дружественный нейтралитет.

Аржанова между тем достала из походного баула небольшую книжку в коричневом кожаном переплете с вытесненными на обложке золотыми арабскими буквами и пояснила подполковнику:

– Так выглядит Коран, их священная книга.

Шаболдин удивился:

– Вы всегда возите ее с собой?

– Приходится. Иногда помогает при общении с мусульманами в крымской степи. Но надеюсь, нашим потомкам здесь понадобится только Библия, – она привычно листала страницы, водя пальцем по строчкам справа налево, как ведется арабское письмо. – В Коране есть немало текстов, прямо призывающих ненавидеть иноверцев и бороться с ними. Ну вот, например, сура четвертая «Женщины», аят 86-й: «Сражайся же на пути Аллаха!»; – аят 143-й: «Не берите неверных друзьями... Разве вы хотите дать Аллаху ясный довод против вас?»; – аят 150-й: «И уготовили Мы неверным унизительное наказание». Далее, сура пятая «Трапеза», аят 56-й: «О вы, которые уверовали! Не берите иудеев и христиан друзьями... А если кто из вас берет их себе в друзья, тот и сам из них. Поистине, Аллах не ведет людей неправедных!»

Открыв книгу на данной странице, Анастасия передала ее Шаболдину. Он взглянул на закорючки, точки, палочки, тире, волнистые линии, из которых состояла арабская каллиграфия, с интересом. Но узнаваемыми для европейца оставались лишь цифры.

– Чертова грамота, – усмехнулся подполковник.

– Нет, изучить ее можно, – ответила княгиня.

– И какой вывод?

– Очень простой. Переход «джамаата» от мирных молитв в мечети к поголовному истреблению неверных происходит слишком быстро и порой совершенно необъяснимо для нас. К этому надо быть готовым...

Потом они обсудили ближайшую задачу. Четыре фелюги, принадлежавшие местным рыбакам-татарам Инаету, Исляму, Максуду и Джанибеку, следовало вывести из строя на летние месяцы, пока османская эскадра с десантом на борту и оружием для повстанцев имеет шанс выйти в море и легко добраться до крымских берегов. Можно как бы случайно, по ошибке

открыть по ним стрельбу из орудий крепостной батареи при возвращении в порт с уловом. Можно ночью на стоянке у причала пропилить в лодках дно. Можно применить репрессии к самим рыбакам, объявив их выход в море, скажем, по вечерам незаконным...

После встреч с Энвером, Абдулла-беем, Рабие и подполковником Шаболдиным курская дворянка намеревалась поехать дальше на северо-запад полуострова, в селение Курулу-Кыпчак, местожительство карачи (князя, крупного землевладельца – А.Б.) Адиль-бея из старинного рода Кыпчак. Он тоже поддерживал русских в 1782 и 1783 год, а в 1787-м, во время путешествия императрицы в Крым, продал Потемкину двести упряжных лошадей и более тысячи верховых. Кроме того, крымчанин командовал тремя сотнями своих воинов в конном татарском полку, сопровождавшем Екатерину Алексеевну от Перекопа до Бахчисарая, и в награду получил из рук царицы бриллиантовый перстень с ее вензелем.

Карачи Адиль-бей, в отличие от бывшего каймаками, иностранными языками не владел, в философии, литературе и истории не разбирался, читал и писал с трудом. Зато считал он виртуозно. Потому весьма прибыльно вел дела, торгуя с российскими купцами знаменитой крымской пшеницей, поваренной солью, кожей и опять-таки лошадьми, табуны которых в его обширных владениях не поддавались счету. Аржанову он давно знал и обычно принимал радушно.

Однако, расстелив на полу своей комнаты в «Сулу-хане» большую, метр на полметра, карту полуострова, Аржанова задумалась. Степные ковыльные равнины, сплошь закрашенные на карте желтым карандашом, тянулись от Евпатории на север, к перешейку, соединявшему Крым с европейским континентом. Черные квадратики, обозначающие поселения, и красные нити грунтовых дорог, попадались здесь редко. Рек не было вообще. Лишь коротконогие и густогривые лошадки Адиль-бея могли чувствовать себя хорошо на этих обезвоженных пространствах. А турецкому десанту нечего делать в пустыне с выжженной травой, где летом жара достигает примерно тридцати пяти градусов.

Следовательно, и визит в Курулу-Кыпчак вовсе необязателен. Тем более что карачи привык к щедрым подаркам. Особенно он любил русские драгоценные меха – шкурки горностая и соболя. Теперь же Флора их не получила. В секретной канцелярии Ее Величества решили: хватит баловать крымских беев и мурз! Присягу на верность самодержице Всероссийской они подписали и ныне являются такими же ее подданными, как и прочие племена и народы, огромную Империю населяющие.

Как бы то ни было, но Курулу-Кыпчак и его владелец Адиль-бей со своими родственниками-степняками находился на отшибе в бывшем Крымском ханстве и большого влияния на жизнь крымско-татарского государства давно не оказывал. Подлинные творцы его внешней и внутренней политики, естественно, жили в столице, и одним из них являлся Али-Мехмет-мурза из рода Яшлав. Престарелый мурахас, или член ханского совета – Дивана – при Шахин-Гирее исполнял обязанности министра иностранных дел и твердо выступал за сближение с Россией.

Он трижды посещал Санкт-Петербург, встречался с Екатериной Второй и произвел на нее наилучшее впечатление. «С такими умными и дальновидными людьми мы будем вести переговоры!» – сказала великая царица.

Весной 1782 года турки организовали на полуострове антиправительственный мятеж. Прежде всего они хотели уничтожить представителей «русской партии» среди крымско-татарской знати. Государыня приказала своей разведке защитить их. Аржанова вывезла Али-Мехмет-мурзу и его многочисленное семейство в крепость Чуфут-Кале по соседству с Бахчисараем. Атаки мятежников на горную цитадель успехом не увенчались, разведывательно-диверсионная группа Флоры их отбила. Так Анастасия спасла не только жизнь Али-Мехмет-мурзы, четырех его жен, девяти наложниц и самого младшего его сына, Бекира, но и

имущество татарского вельможи (в бейлик рода Яшлав входила и Чуфут-Кале) от разграбления наемниками турок чеченцами.

Неужели мурахас забыл об этом?

По карте курская дворянка измерила расстояние от Евпатории до Бахчисарая. Пожалуй, двух дней им хватит, чтоб его преодолеть. Анастасия проложила маршрут от Земляных ворот крепости мимо соляного озера Сасык и городка Саки, мимо деревень Камышлы, Контуган, Дорт-куль, Отели-Эли (совр. населенные пункты Ивановка, Тепловка, Раздолье и Кочергино – А.Б.). Далее начинались земли рода Яшлав, и Анастасия пребывала в уверенности, что там ее кавалерийский отряд встретят подобающим образом, по всем правилам восточного гостеприимства.

Перед отъездом Аржанова, одетая в пехотный офицерский мундир, вечером прошлась по берегу моря. Ее сопровождали Чернозуб, Прокофьев и Ермилов. Они осматривали окрестности и рассуждали о том, насколько удобны эти места для высадки вражеского десанта и обороны от него.

Их ботфорты увязали в желтовато-сером песке. Справа поднималась южная стена крепости, самая длинная и самая прямая во всем фортификационном сооружении. Слева расстилалась водная гладь, освещенная закатным солнцем. Море тихо накатывало на пологий берег одну за другой мелкие волны. Над ними кружились чайки, иногда испуская пронзительные крики.

Впереди уже показалась башня над «Искеле-Капусу», или Воротами Пристани. Метров за двадцать до них кромка воды подходила к стене совсем близко и потому здесь располагался Балык-базар, или Рыбный базар. Рыбаки пригоняли сюда ялики и лодки после утреннего и вечернего лова. Они продавали свою добычу, разложив ее на парусиновых полотнищах, расстеленных на песке. Рыба еще шевелила хвостом и плавниками, открывала рот, иногда пыталась подпрыгнуть и вернуться в родную стихию. Чаще всего тут попадалась кефаль, султанка, скумбрия, ставрида. Но встречались и крупные породы. Например, осетры, ценившиеся гораздо выше черноморской мелочи.

Когда Флора с кирасирами приблизилась к Балык-базару, рыбаки почти закончили торговлю. Ни кефали, ни ставриды, ни скумбрии не осталось. Лишь огромный, иссиня-черный и как бы бархатный осетр длиной более полутора метров, обложенный мокрыми зелеными водорослями, лежал на песке. Ряд белых отметин-выступов на хребте и на боках, вытянутая голова с хищным носом, четыре белых усика под пастью и мощный хвост треугольной формы делали его подлинным властелином водных глубин. Черные бахромчатые жабры рыбы судорожно поднимались и опускались. Осетр был еще жив и спокойно смотрел на скучный земной мир зеленоватым круглым глазом.

– Эй, где хозяин? – по-татарски крикнула Анастасия, склонившись над великолепным представителем морской фауны и любуясь его видом.

Из двухмачтовой фелюги, чей острый нос врезался в песок недалеко от осетра, появился коренастый человек лет сорока, в черно-каракулевой круглой крымской шапочке. Он окинул русских пристальным взглядом:

- Я – хозяин. Чего желают господа?
- Сколько стоит твоя рыба?
- Недорого. Пять рублей серебром.

От такой наглости Чернозуб машинально схватился за эфес шпаги, ибо столь невероятных цен на Балык-базаре не существовало. Однако Аржанова, усмехнувшись, остановила поручика и продолжила разговор с продавцом:

- В каком месте ты поймал осетра?
- У мыса Лукулл, господин офицер.
- Довольно далеко от Гезлеве, – покачала головой Флора.

– Да. Но только там они и водятся.

– Твое судно легко преодолевает большие расстояния. Вижу, ты – умелый и храбрый мореход. Как тебя зовут?

– Инает-ага, – приосанился он.

– А, значит, это ты пообещал Хаджи-Джафар-эфенди встретить турецкое судно в открытом море через неделю?

– Не понимаю, о чем вы говорите, господин офицер, – лицо татарина сделалось злым и напряженным, черные глазки забегали.

– Не бойся, я шучу. Просто я покупаю у тебя осетра, – Аржанова вытащила из внутреннего кармана зеленого кафтана кошелек и отсчитала монеты. – Но наши русские шутки имеют обыкновение сбываться в жизни. Не так ли, достопочтенный Инает-ага?

Зажав в кулаке деньги, рыбак некоторое время смотрел на нее в растерянности, потом окликнул помощника. Тот пришел с багром.

– Рыбу надо оглушить. Пока жива, она может сильно ударить хвостом кого-нибудь из вас. Да хранит вас Аллах, конечно! – подобострастно поклонился покупателем Инает-ага.

– Нет, – ответила ему княгиня Мещерская. – Ты ничего не сделаешь осетру. Мы выпустим его на волю. Он слишком красив, чтобы стать пищей. Пусть живет. Если не будешь валять дурака, ты еще встретишься с ним у мыса Лукулл.

Повинуясь приказу, рыбак и его помощник подняли осетра и на куске парусины оттащили в воду. Уходя в сине-зеленую ее толщу, морской красавец на прощание действительно мощным ударом хвоста взметнул целый фонтан. Соленые брызги окропили лица всех участников сцены у Ворот Пристани. Курская дворянка, улыбаясь, пошла дальше. Но татарину было не до улыбок.

Скорость движения кавалерии в походе определена инструкцией, помогающей сохранять силы лошадей. Начинать следует шагом и так двигаться не менее двадцати минут. Затем можно десять минут пройти рысью, после нее – пять минут коротким галопом, после него – полчаса шагом, дабы дыхание животных восстановилось.

Ровная дорога без поворотов, спусков и подъемов весьма способствовала правильному чередованию этих аллюров, за чем внимательно наблюдал поручик Чернозуб. Он как командир отряда вместе с сержантом Прокофьевым ехал впереди, задавая ритм остальным всадникам. Отлично выезженные лошади шли в колонне по две, на строго определенном расстоянии – полкорпуса – одна за другой. Серый арабский жеребец Алмаз, на котором ехала Аржанова, сперва пытался нарушать строй, но, укрощенный властной рукой хозяйки, вскоре покорился четкой организации крымского похода. Благодаря этому Анастасия могла, придерживая повод и упираясь ногами в стремя, спокойно смотреть по сторонам. Весеннюю разнотравную степь она сравнивала с чудесной книгой природы, сейчас раскрытой на двух ярких страницах. Над ней возвышался голубой хрустальный купол небосвода, где высоко-высоко парили и звонко пели жаворонки.

С некоторых пор Флора стала ценить минуты подобного умиротворения. Оно приходило к Анастасии в расцветающем весной севастопольском саду, у моря на закате дня, в степи, широко раскинувшейся от края до края горизонта. Курская дворянка вдруг почувствовала, что в ее жизни, мало напоминающей райскую идиллию, должно появиться место для уединенных размышлений. Наверное, сказывался возраст. Этой осенью ей исполнилось тридцать четыре года, но никто не давал их княгине Мещерской. Максимум – около тридцати.

Молясь в церкви, Аржанова всегда благодарила Господа Бога нашего Иисуса Христа и своих предков за этот бесценный дар – красоту, энергию, молодость. Однако давно предпочитала не рубить с плеча, как десять лет назад, а, сосредоточившись, представлять себе ход событий, искать истинные их причины и следствия, определять роль, которую могли бы в них играть разные знакомые и не очень знакомые ей люди.

Впрочем, сегодня в двух километрах от деревни Камышлы умственные построения Флоры дали досадную осечку.

Дорога по большей части оставалась пустынной. Вероятно, поэтому они не обратили внимания на две крытые татарские повозки, или арбы, с привязанными к ним верховыми лошадьми и пятью всадниками, их сопровождавшими. Обоз появился за поворотом, когда кавалерийский отряд начал спускаться в низину. Медленно, поднимая тяжелыми колесами белую крымскую пыль, обоз тащился русским навстречу. Он занимал значительную часть дорожного полотна. Невольно Чернозубу пришлось взять вправо, выйти на обочину, уступая путь повозкам.

Обоз почти поравнялся с отрядом, и тут раздался первый выстрел, затем второй и третий. Огонь вели из прорезанных в первой крытой арбе отверстий. Могучего вороного жеребца по кличке Гром, на котором сидел Чернозуб, исламские террористы уложили сразу. Анастасия, резко склонившись вниз, за шею Алмаза, избежала второй пули. Третья же попала ее боевому товарищу в левую лопатку. «Араб» с диким ржанием сначала встал на дыбы, а потом рухнул, придавив телом хозяйку к земле.

Теперь она была на виду и совершенно неподвижна.

Поручик Чернозуб еще только-только поднимался на ноги, оглушенный и обрызганный кровью из разможенной головы своего коня. Остальные лошади от внезапного грохота выстрелов шарахнулись в степь. Кавалеристы с трудом остановили их там, пытаясь повернуть обратно. Потому без всяких помех, даже демонстративно, татарин в зеленой чалме шахида встал в арбе во весь рост и навел ружье на Аржанову. Однако нажать на спуск ему не удалось.

Как же едко шутили в походе кирасиры над ленивым неповоротливым Гнедко и его неумелым всадником Николаем! Зато сейчас толстый гнедой мерин в степь не бросился. Он лишь пятился по дороге назад, мотая вислоухой головой. Молодой слуга княгини Мещерской сдернул с плеч егерский штуцер и произвел выстрел навскидку, ибо времени на тщательное прицеливание через «диоптр» он уже не имел.

Николай попал шахиду в живот. Рослая фигура воина Аллаха будто переломилась пополам, длинное ружье выпало из рук, а сам он повалился на дно арбы. Это послужило сигналом для остальных. Они вскочили на привязанных к повозкам оседланных лошадей и, нещадно нахлестывая их ногайками, поскакали в сторону деревни Камышлы.

Чернозуб, добравшись наконец-то до пистолетов, спрятанных в двух кожаных кобурах при седле, выстрелил татарам вслед. Начали стрелять по ним и другие кавалеристы, вернувшиеся к дороге. Все пули, как говорится, «ушли за молоком». Прокофьев и Ермилов, взяв с собой шестерых солдат, пустились в погоню. Но, конечно, догнать восточных наездников не смогли. Те словно растворились в желтом степном мареве.

Жаворонки пели по-прежнему звонко. Их песня, состоявшая из чередования коротких и длинных звуков с посвистом, лилась над неподвижным, ровным, бесконечным пространством. Аржанова подняла глаза к небу и возблагодарила Всевышнего за удачу. Пусть вороной жеребец Гром лежал бездыханным, а ее верный Алмаз пытался подняться, но это у него не получилось. Ее правая нога, придавленная к земле при падении лошади, болела сильно, но едва ли тут пострадала кость. Все остальные бойцы отряда были живы, здоровы и взволнованно обменивались впечатлениями от недавней схватки.

Исламские террористы бросили на дороге обе арбы и своего тяжело раненого товарища. Прихрамывая и опираясь на руку сержанта Прокофьева, Флора доковыляла до первой повозки: шахид в залитом кровью кафтане лежал там, прижав руки к животу. Рана его была смертельной и доставляла мусульманину страшные мучения.

- Как тебя зовут? – спросила Анастасия.
- Имран-мурза из рода Мансур.
- Где ты научился стрелять из ружья?

– В Стамбуле.

– Тебе много заплатили?

– Деньги тут ни при чем, – глаза раненого сверкнули. – Убивать вас, кяфиров, велит Аллах, Всемилостивейший и Всемогуший. Джихад скоро победит. Вы все станете нашими рабами!

Аржанова вздохнула:

– На самом деле у тебя мало времени, Имран-мурза. Ответь-ка мне лучше, когда турецкий корабль прибыл в Крым, и где ты высадился на берег?

– В Алуште. Больше я ничего не скажу, – гримаса боли исказила лицо татарина.

– Как хочешь, правоверный. Есть какие-нибудь просьбы?

– Дай воды. Жар сжигает мои внутренности.

– Воды? Да сколько угодно, – она протянула ему свою походную флягу. – Но в рай к гуриям-девственницам ты уже не попадешь. Ведь ты не исполнил поручения имама Хаджа-Джафар-эфенди и меня не застрелил.

– Дочь Сатаны! Ты приговорена, и тебя убьют другие!

– Молчи, безумец. Этого не случится!

С такими словами Анастасия отошла от арбы. Имран-мурза из крымско-татарского рода Мансур, старинного, знатного, но обедневшего и всегда выступавшего против русских, жадно припал к горлышку фляги. Он быстро осушил ее до дна. Пить при ранении в живот нельзя категорически, и конец шахида стремительно приближался. Кровотечение усилилось, боли – тоже. Татарин молился и просил проклятых кяфиров прикончить его.

Кирасиры не обращали на вопли раненого никакого внимания. Они окружили меткого стрелка Николая, пожимали ему руку, хлопали по плечу, громко восхищались его подвигом. Доля похвал досталась и ленивцу Гнедко, стоявшему рядом. Ему скормили целых две пшеничных лепешки «пита», обильно намазав их медом. Мерину угощение понравилось и, требуя добавки, он толкал головой молодого слугу княгини Мещерской.

Тем временем Флора, поручик Чернозуб, сержанты Прокофьев и Ермилов устроили военный совет. Само по себе нападение их не испугало. Бойцы разведывательно-диверсионной группы, действовавшей в Крыму с 1780 года, попадали и в более жесткие переделки. Хотя власть на полуострове тогда вроде бы принадлежала русскому союзнику – светлейшему хану Шахин-Гирею, турецкая разведка «Мухабарат» в мусульманском и средневековом по своему устройству государстве чувствовала себя как дома, проводила операции нагло и уверенно.

Разложив карту прямо на дороге, они обсуждали варианты дальнейших действий. Целью их поездки являлась встреча с бывшим мурахасом – Али-Мехмет-мурзой, проживающим в Бахчисарае. Переговоры с ним должна вести Аржанова. Но дорога впереди еще длинна, и было сомнительно, выдержит ли этот путь Анастасия. После падения вместе с Алмазом правая нога у нее начала опухать так сильно, что пришлось разрезать ботфорт от щиколотки до колена и приложить к икроножной мышце спиртовой компресс.

– Та ни як же ж це неможно, ваш-выско-бродь! – говорил Чернозуб, в тревоге глядя на Аржанову. – Трусись воны в блин, цьи бусурманы! Треба нам дуже швидко вертаться у Севастополь.

– Наверное, ты прав, – отвечала ему курская дворянка, трогая рукой лоб: у нее поднималась температура.

– Возьмем трофейную арбу, – предложил Прокофьев. – Вы поедете в ней, устроившись на одеялах.

– А мой Алмаз?

– Разрешите доложить, ваше сиятельство, – сержант вытянулся по стойке «смирно». – Пуля раздробила жеребцу лопатку... Если выживет, он все равно будет хромать. Это – уже не строевая лошадь. Оставим его здесь. Орлы-стервятники и черные грифы расклюют труп.

– Что?! – Флора в бешенстве подняла глаза на Прокофьева. – Ты чего городишь, сержант?.. Бросить Алмаза на съедение хищным птицам?!

Потупившись, кирасиры замолчали. Они знали, как привязана к своей лошади княгиня Мещерская, как «араб» спас хозяйку при османской засаде у деревни Джамчи, как уносил ее от преследования мятежников в этой же северо-западной степи. Но есть предел любви к животному, особенно – в армейской кавалерии. Как бы ни одушевляли его люди, настроенные романтически, животное все-таки – не высшее творение Господа Бога, наделенное сознанием, памятью и даром членораздельной речи.

Аржанова, стараясь не показывать своей боли, выпрямилась. В руке она сжимала хлыст, купленный в прошлом году во Франции, стране, где знают толк в дрессировке лошадей. Кирасиры вполне допускали, что Анастасия Петровна, здорово рассердившись, может сейчас отстегать их этим хлыстом. Служивые готовились безропотно принять командирскую выходку, настаивая при том на своем рациональном предложении.

Однако на глазах курской дворянки показались слезы. Они струились по ее прекрасному, но совершенно неподвижному лицу, спускаясь на суконный отложной воротник офицерского кафтана. Доселе небывалое и невиданное зрелище – чтоб госпожа Аржанова когда-нибудь плакала при них! – поразило доблестных воинов в самое сердце. Не сговариваясь, суровые мужики грохнулись перед ней на колени и смиренно спросили, что предполагает ее сиятельство сделать с Алмазом, и могут ли они помочь ей.

Анастасия, владевшая медицинскими навыками примерно в объеме военно-фельдшерской школы, объяснила кирасирам свой план. Сперва надо извлечь из раны пулю и мелкие костные осколки, обработать ее спиртом и зашить, затем наложить повязку, зафиксировав неподвижно левую лопатку и ногу несчастного скакуна. После чего следует поместить Алмаза в татарскую повозку и в ней доставить в Севастополь. «Араб», даже хромым, будет жить у нее на конюшне как заслуженный ветеран боевых действий с противниками Российской империи. Она станет рассказывать дочери и сыну о его подвигах. Не исключено, что Алмаз еще даст потомство, столь же отличное по экстерьеру, неутомимое в скачке, преданное одному хозяину. Пусть его род продлится на радость потомкам князей Мещерских!

Глава третья. Письмо Главнокомандующего

Готовясь к вечернему приему гостей, слуги развешивали в саду разноцветные фонарики. Устроены они были просто: с трех сторон – стеклышки красного, синего или оранжевого цвета, четвертая – без стекла. Через нее в фонарик вставляли зажженную свечку длиной десять-двенадцать сантиметров. Затем фонарик за крюк вешали на ветку дерева. Получалась иллюминация. Она превращала сад в чертог волшебника, где экзотическая красота растений дополнялась мерцающими огоньками, образующими длинные гирлянды.

Детский праздник в честь пятилетия княжны Александры Мещерской завершился три часа назад. Он тоже проходил в саду. При удушающей июльской жаре здесь спасала тень от раскидистых деревьев и влажная свежесть, исходившая от бассейна и двух фонтанов. Немолчно они журчали среди ветвей жасмина, зарослей олеандра и бересклета.

Дети угощались мороженым, конфетами, оранжадом, прыгали, бегали, играли и танцевали под музыку небольшого военного оркестра, состоявшего из двух флейт, трех валторн, гобоя и барабана, с фрегата «Святой Амвросий Медиоланский». Это приглашение устроил лейтенант артиллерии Константин Подыма, командовавший на паруснике двадцатипушечной батареей правого борта.

С той самой встречи на пристани в Южной бухте флотский обер-офицер стал частым гостем в двухэтажном особняке на Екатерининской улице. Лейтенант приносил детям подарки, играл с ними в саду, читал им русские народные сказки, и они уже души в нем не чаяли. Княгиня Мещерская слегка кокетничала с Константином Ивановичем. Он был младше нее на десять лет. Присутствие молодого и романтического вздыхателя всегда хорошо сказывается на самочувствии женщины.

Полковник, конечно, злился на лейтенанта. Но ему приходилось сдерживать эмоции. Артиллерист с фрегата «Святой Амвросий Медиоланский» вел себя в княжеском доме совершенно безукоризненно. «Что делать! – думал Михаил. – Если у тебя жена – красавица, то приготовься терпеть ее поклонников». Обычно, увидев Подыму в гостиной, Мещерский улыбался и предлагал ему сыграть партию в шахматы, и так они проводили вместе не менее часа, рассуждая о разных разностях.

Правда, Михаил Аркадьевич очень надеялся на начало военной кампании 1789 года. Фрегат вместе со всей севастопольской эскадрой должен был уйти в дальнее плавание к турецким берегам. Но вот незадача – навигация началась и уже достигла пика, а русские военные корабли продолжали стоять на якоре в Южной бухте Севастополя. Лишь небольшие суда, двухмачтовые, на восемнадцать-двадцать орудий, принадлежавшие греческим капитанам, перебравшимся в Крым из Средиземноморья, регулярно выходили в море и крейсеровали вдоль берегов полуострова, наблюдая за противником.

Потому, пользуясь неожиданно выпавшим им летним затишьем, на праздник к князю и княгине Мещерским прибыли командиры и старшие офицеры всех пяти линейных кораблей и восьми фрегат. Приехал и управляющий конторой Севастопольского порта – капитан первого ранга Дмитрий Доможиров, и командир гарнизонного батальона подполковник Соколинский, оба – с супругами. Теперь ждали самого контр-адмирала Ушакова. Уж как ни любил знаменитый флотоводец светские мероприятия, но обворожительной Анастасии Петровне отказать не смог.

Сопровождаемый двумя адъютантами и ординарцем, который нес за ним букет белых роз и корзинку с подарками для маленькой именинницы, Федор Федорович в девятом часу вечера вошел в сад, тщательно убранный садовником Федором-Фатихом и украшенный разноцветными фонариками.

Оркестр грянул флотский марш.

Контр-адмирал снял треуголку, поклонился хозяйке дома и вручил ей букет роз. Затем шагнул к виновнице торжества, поднял ее на руки и поцеловал в обе щеки. Маленькая княжна Александра, одетая в нарядное розовое платье с оборками и белыми кружевами, засмушалась от всеобщего внимания, но подарок Ушакова – коробочку с золотыми сережками – крепко прижала к груди и поблагодарила, как ее учили:

– Grand merci, mon admirale!⁶

После этого девочку увели в дом. Детям давно пора было спать. Они изрядно устали от шумного праздника. Однако вечеринка для взрослых только начиналась, и Анастасия вместе с мужем пригласили гостей к столу, сервированному на просторной лужайке у бассейна.

Горячего не подавали. Для закуски имелись свежие и засахаренные фрукты, сдобные сладкие пироги с разной начинкой и конфеты. О материальном достатке хозяев свидетельствовало настоящее шампанское вино из Италии «Асти», стоимостью полтора рубля за бутылку. Лакеи его подносили и открывали по мере надобности. Одновременно на столе находилось от десяти до пятнадцати бутылок.

Для любителей карт поставили два ломберных столика чуть поодаль от бассейна, у беседки. Но подлинные знатоки виста, к коим себя относил и князь Мещерский, серьезной игры здесь не вели. Она требует тишины, покоя, сосредоточенности, а в саду гуляли, громко разговаривая, смеясь и слушая веселые наигрыши корабельного оркестра, человек тридцать пять.

Ушаков, предложив руку Анастасии, подвел ее к столу. Лакеи тотчас наполнили их бокалы шипучим, пенистым вином. Командующий эскадрой задал вопрос:

– Как вы себя чувствуете после того неудачного падения с лошади?

– Хорошо, ваше превосходительство.

– Коварные, непредсказуемые животные, – сказал Федор Федорович. – Плавание под парусами не в пример безопаснее.

– Ловлю вас на слове, контр-адмирал.

– Ладно. Чего вы хотите, княгиня?

– Отправиться в Алушту. Этим летом, говорят, там случился невероятный урожай фисташки туполистной. Сами-то листья у нее невзрачные. Но плоды – удивительные. Кисти костяных шариков синеватого, даже темного цвета...

Как командующий эскадрой и отвечающий за военно-морскую базу Севастополь Федор Федорович знал, какого рода гербарии собирает на полуострове княгиня Мещерская, наделенная особенными полномочиями самодержицей Всероссийской. Он внимательно выслушал научно-ботанический рассказ о фисташке туполистной и ответил:

– Про листья мне понятно. Полагаю, понадобится не крейсерское судно, а фрегат.

– Безусловно, ваше превосходительство, фрегат – гораздо лучше.

– Кого бы послать... – он задумался.

– Да хоть «Святого Амвросия», – подсказала Аржанова. – Послушайте, как дивно играют тут его музыканты.

– На фрегате у вас есть друзья, – догадался контр-адмирал.

– Ну, друзья, – это громко сказано, ваше превосходительство. Обычные, ничего не значащие светские знакомства, но они – приятные, – то ли подтвердила, то ли опровергла его слова курская дворянка.

Флотоводец в недоумении покачал головой. Разговаривать с дамами он не очень-то умел. В свои сорок пять лет Ушаков оставался холостым и найти подругу жизни даже не пытался. Абсолютно все его помыслы занимала служба: корабли, подчиненные ему матросы и офицеры, морские походы, битвы прошедшие и предстоящие.

⁶ Благодарю, мой адмирал (*фр.*).

Происходя из старинного, но сильно обедневшего дворянского рода, Федор Федорович, как гласит легенда, приехал в столицу в лаптях и сермяжном крестьянском армяке, чтобы поступить в Морской шляхетский корпус. С отличием закончив это военно-учебное заведение в 1766 году, он сначала служил мичманом на Балтике и через три года в чине лейтенанта перевелся на Азовскую, или Донскую, флотилию. Там в 1770 году впервые получил в командование корабль – прам (плавающая батарея – А.Б.) под названием «Деифоб». Продвижению по службе молодого моряка, не имевшего ни состояния, ни высоких покровителей в Санкт-Петербурге, способствовала Первая русско-турецкая война. Командуя палубным двенадцатипушечным ботом «Курьер», он участвовал в сражениях на Азовском и Черном морях. В тридцать лет, уже капитан-лейтенантом, Ушаков вернулся в Кронштадт и был назначен командиром сначала фрегата, потом – императорской яхты «Штандарт».

Знакомство с царицей рослого, статного, мужественного морехода, так и не усвоившего придворный политес, закончилось довольно скоро. В 1780 году Екатерина Алексеевна отправила Ушакова обратно в строевой состав флота, но – с чином капитана второго ранга и на должность командира линейного корабля «Виктор».

Разгадал его флотоводческий талант лишь светлейший князь Потемкин-Таврический. В сражении с турками у острова Фидониси в июле 1788 года Ушаков командовал авангардом всей эскадры и своими действиями предопределил победу наших моряков. Тогда Потемкин написал государыне: «Долг справедливости требует моего всеподданнейшего засвидетельствования перед Вашим Императорским Величеством о ревности и отличной службе состоящего во флоте Черноморском бригадира флота капитана Ушакова, офицера весьма искусного и храброго, коего я приемлю удостоить в контр-адмиралы...»

Вдохновленный поддержкой, Федор Федорович принялся с удвоенной энергией заниматься делами Черноморского флота. Екатерина Вторая, зная о бедности нового своего контр-адмирала, пожаловала ему поместье в Могилевской губернии с пятьюстами крепостными крестьянами. Ушаков его продал и полученные деньги обратил на нужды любимого детища – севастопольской эскадры. Вечно там чего-нибудь не хватало: то корабельного леса для ремонта, то гвоздей, то пеньковых канатов, то полотна для шитья парусов...

Аржанова сообщила мужу о предстоящей поездке на Южный берег Крыма. Но о том, что Ушаков дает ей фрегат «Святой Амвросий Медиоланский», князь узнал случайно. Черные подозрения шевельнулись у него в душе. Ведь после путешествия Флоры в Евпаторию, закончившегося для нее травмой правой ноги, они почти восстановили прежние отношения. Михаил получил доступ в спальню. Анастасия иногда принимала его ласки. Уклонялась она только от соития и бурного его завершения, ссылаясь на боль в колене, которая мешает ей полностью отдаваться страсти.

Поразмыслив, Мещерский решил провести с супругой профилактическую воспитательную беседу. Вечером, за два дня до ее отъезда он пришел в спальню Анастасии. Этот разговор Михаил начал правильно. Спокойно и с достоинством он объяснил Флоре, какое видное место занимает их семья в здешнем дворянском обществе и как неустанно надо беречь подобную незапятнанную репутацию. Затем он посоветовал отказаться от плавания на военном корабле и избрать сухой путь, где сопровождать ее будут проверенные люди: поручик Чернозуб, сержанты Прокофьев и Ермилов, меткий стрелок Николай.

Аржанова удивилась:

– Они и так едут со мной. Тебе не о чем беспокоиться.

– Тем не менее я беспокоюсь.

– Почему, ваше сиятельство?

– На фрегате рядом с тобой будет находиться лейтенант Подыма. А тесные и темные помещения корабля, они, знаешь ли, способствуют... Не хочу сказать, будто этот молодой

человек – твой любовник. Но поостерегись. Вас могут застать в каком-нибудь крайне двусмысленном положении...

Лицо Анастасии изменилось, потемнело, словно бы приобрело каменное выражение. Сдерживая гнев, она ответила Мещерскому:

– Ты отлично знаешь, кто мой любовник. Вернее, единственный возлюбленный, о коем молить буду Господа Бога всю жизнь.

Полковник с притворным сочувствием развел руками:

– Уже прошло полгода после Очакова. Светлейший князь Потемкин забыл о тебе. Курьеров с подарками не шлет, писем не пишет. Может быть, этот роман окончен, краса моя?

– Ты лжешь! – крикнула она. – Пошел вон отсюда!

Сгоряча, не отдавая себе отчета в действиях, курская дворянка вскочила с постели и машинально схватилась за любимый дорожный пистолет «Тузик». Кобура с его содержимым всегда висела на фигурной раме зеркала гораздо ближе к ней, чем кобура с однотипным ему «Мурзиком». Изделия итальянской фирмы «Маззагагги», красиво декорированные, легкие и небольшие, длиной в 21 см, они работали превосходно. Правда, «Мурзик», бывало, давал осечки.

Князь Мещерский на такое завершение разговора совершенно не рассчитывал. Он вылетел из спальни в коридор, как пробка из бутылки. Полковник знал характер жены: в некоторых случаях она сначала стреляет, а потом думает. Спускаясь по лестнице на первый этаж, он ругал себя за неосмотрительность и утешался тем, что сейчас сказал Анастасии правду, пусть жестокую, но необходимую. Нельзя же, в конце концов, надеяться на бесконечные милости столь непостоянного человека, как Григорий Александрович Потемкин. Он очень занят. Он погружен в тысячу важнейших государственных дел. Из Очакова он уехал в Санкт-Петербург и там беседует с самой императрицей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.